

В.П. ВОЛК-КАРАЧЕВСКИЙ

УБИТЬ ИМПЕРАТРИЦУ ЕКАТЕРИНУ II

ИСХОДНАЯ
ТОЧКА
ИНТРИГИ

БОЛЬШОЙ ЗАГОВОР

ПРИГОВОРЕННЫЕ ИМПЕРАТОРЫ

Большой заговор. Приговоренные
императоры. Убить императрицу Екатерину II

В. П. Волк-Карачевский
Исходная точка интриги

«Бутромеев В.В.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Волк-Карачевский В. П.

Исходная точка интриги / В. П. Волк-Карачевский — «Бутромеев В.В.», 2020 — (Большой заговор. Приговоренные императоры. Убить императрицу Екатерину II)

ISBN 978-5-905748-03-5

Роман-хроника «Большой заговор. Приговоренные императоры. Убить императрицу Екатерину II» описывает исторические события с момента царствования Екатерины II, создания первого масонского государства в Северной Америке и великой масонской революции во Франции до наших дней. В центре повествования – судьбы правителей России и тех государственных деятелей Европы, которые оказались на пути масонов к мировому господству. Все правители России от Екатерины II до Николая II пали жертвами тайных сил, шаг за шагом продвигавшихся к своей цели. Русские императоры были приговорены к смерти, как некогда французские «проклятые короли», поплатившиеся жизнью за разгром ордена тамплиеров, возродившегося во всемирном сообществе франк-масонов. Первые книги посвящены истории убийства императрицы Екатерины II и её фаворита, светлейшего князя Потёмкина, а также королю Франции Людовику XVI и королеве Марии Антуанетте, сложившим головы на эшафоте, и выходу на историческую арену Наполеона Бонапарта, положившего на полях сражений миллионы голов.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-905748-03-5

© Волк-Карачевский В. П., 2020

© Бутромеев В.В., 2020

Содержание

Предуведомление,	7
I. Из расшифрованных диалогов	10
1. Во Франции	10
2. В России	13
II. Имя странного Потемкина	16
1. Война	16
2. Два года, еще два года!	19
3. Меланхолия	22
4. Кто ты есть?	24
5. Главный вопрос	26
6. Самнитский корень	27
7. Вещий сон	30
8. Братья разбойники	32
9. Императрица Елизавета	34
10. За что?	36
11. Она, она!	38
12. Накануне переворота	40
13. За и против	42
14. Государственный переворот	44
15. Любовь покоряет сердце	46
16. Куда идти безнадежно влюбленному?	49
17. Кровь свою пролить	51
18. Борьба партий	53
19. Разумовский	56
20. Мудрая горбунья	59
21. Ловушка для фаворита	61
22. Когда нет сил более терпеть	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

В. П. Волк-Карачевский

Исходная точка интриги

© Волк-Карачевский В. П., текст, 2020

© «ТГВБ», перевод, издание, 2020

* * *

*Жану де Лабрюйеру,
прославившемуся знанием разнообразия человеческих характеров
и нравов, а также пониманием тонкостей незыблемых законов
книготорговли, посвящает эту и все последующие книги автор,
преисполненный благодарности и надежд, пусть себе даже и не всегда
оправданных, но тем не менее согревающих душу.*

Теория заговора имеет такое же право на существование, как и все теории, изо всех сил ее опровергающие, но, несмотря на свой всеобщий против нее заговор, так ничего и не сумевшие опровергнуть.

Теория заговора объясняет ход истории человеческой с той же достоверностью, с которой небесная механика известного англичанина Ньютона объясняет движение планет вокруг Солнца. Можно сколько угодно отрицать Ньютона и находить неточности в его формулах, но планеты не прекратят движение по своим орбитам, невзирая на опровержение причин, заставляющих их совершать сие движение, совершенно не обращая внимания ни на самые точные расчеты этих орбит, ни на самые новейшие изыскания всех астрономов со всеми их телескопами.

Из частного письма.

Какой роман моя жизнь!

Слова, приписываемые Наполеону Бонапарту, которые вполне могли бы сказать и императрица Екатерина II Алексеевна, и светлейший князь Потемкин, и поэт Гавриил Державин, и поэты Шиллер и Гёте, а также знаменитые проходимцы: граф Мирабо, Талейран, наивный Лафайет, дочь банкира Неккера мадам де Сталь, сам господин Неккер, так удачно погревший руки на развале королевской Франции, господа парламентские ораторы, не дававшие спуску друг другу Питт и Фокс, князь Репнин, граф Румянцев вместе с сыновьями, стар и млад семейства Разумовских, граф, князь и канцлер Безбородко, в конце концов достигший всего, но не того, чего больше всего хотелось, император Павел I и его сын Александр, художник Гойя, вездесущий Бомарше, король Людовик XVI, его супруга Мария Антуанетта и, конечно же, Катенька Нелимова, милая автору непосредственностью и бесхитростной живостью желаний восторженного сердца. Как, впрочем, и многие другие персонажи, оставившие свои имена на потрепанных временем страницах истории, беспристрастно изложенной в настоящем сочинении.

Предуведомление, в котором автор неторопливо размышляет об Истории и о своих задачах, из этих размышлений вытекающих

В конце известного пылкостью чувств и склонностью к просвещению и так любимого мною XVIII века в России и в странах, от нее значительно удаленных, произошли события, вызвавшие последствия, которые ни много ни мало изменили мир: карта Европы украсилась названиями новых государств, вместо бабшмаков с серебряными пряжками мужчины стали носить совсем другую обувь, женщины забросили шляпки, напоминающие чепчики, и надели на свои прелестные головки нечто совсем не похожее на то, чем они раньше надеялись привлечь нескромные взоры. Ну а никогда не дремлющие историки торопливо вписали в свои книги множество новых имен; часть же имен, раньше не сходявших с кончиков их остро отточенных перьев, остались только в книгах, написанных до всех этих событий, а если и упоминались теперь, то все реже и реже.

А уж как перепутались жизненные пути простых людей, чьи имена не внесены ни в какие книги, кроме метрических, людей, никому не известных, но дорогих родным и близким, включая иногда и добрых соседей. Многие романтические девушки не дождались своих возлюбленных и вышли замуж совсем не за тех, о ком мечтали на заре туманной и полной неясных надежд юности; некогда состоятельные господа обеднели, иные и вовсе разорились, а один подававший надежды стихотворец спился и умер в изъеденной мышами неизвестности, не удостоившись бронзовых бюстов на шумных площадях столицы и мраморных изваяний в тихих залах библиотек. Так порой случается раз в три-четыре столетия, а то и чаще. Мир меняется.

И если ты, мой не лишенный любопытства читатель, запасешься терпением и усердием и, одолевая страницу за страницей настоящего сочинения, проследишь ход этих событий в их стремительном развитии, то увидишь чудесную картину, – ее по примеру одного легкомысленного француза, ко всему еще наделенного поистине африканским темпераментом, я хочу повесить на надежный гвоздь Истории.

Что есть история? Некоторые считают, и весьма упорно, что это взаимосвязь причин и следствий, вытекающих из строгих и незыблемых законов. И не только считают, но и излагают свое мнение, часто очень пространно, с многими подробностями, и весьма успешно – в том смысле, что находятся издатели, которые печатают их труды (именно труды, но никак не сочинения), и благодаря тому, что труды эти многотомны, а тома внушают уважение весом и толщиной, ими, этими томами, удобно заполнять полки библиотек.

И уже другие, следующие в порядке очереди историки, напрочь лишенные французского легкомыслия и тем более африканского темперамента, снимают покрытые пылью фоллианты с полок, изо всех сил ворошат страницы, анализируют факты, сопоставляют цифры и делают совершенно новые выводы и неопровержимые, даже парадоксальные заключения. И все это движется подобно священной реке, суровым торжественным потоком, застывая в незыблемых гранитных берегах триумфальных арок, парадных порталов и заново отштукатуренных фасадов.

Что касается меня, то я, мой снисходительный и благожелательный читатель, скромно держусь в сторонке от этого неумолимого в своей величавой вечности потока.

Волей-неволей мне пришлось прочесть так много томов исторических трудов, что изложенные в них факты я по большей части уже забыл, а цифры, по свойственной мне беспечности, безнадежно перепутал. Волей, потому что читал я их, в общем-то, по своей охоте, подталкиваемый природным любопытством, приобретенным по ходу продвижения от счастливого и беззаботного младенчества к наивному детству, а от детства к непоседливой

юности и зрелым летам, достигнув коих я обнаружил несметные и всевозрастающие запасы этого самого любопытства, требовавшего ответов на множество вопросов, – ответы на многие из них мне удалось найти сначала с помощью милых и беззаботных девушек, а потом догадливых и, что очень важно, предусмотрительных женщин. Но часть вопросов оставались без ответов, и ответы на них я доверчиво понадеялся отыскать в толстых книгах, по скупости, свойственной издателям, обычно не снабженных картинками, хотя иногда в них попадались гравюры и гравированные же портреты.

Ну а невольно, потому что перелистывать сотни и тысячи страниц приходилось себя заставляя: уж больно было скучно. И тем не менее, благодаря усердию (к которому призываю и тебя, мой неустанно ищущий высоких истин читатель), перелистав множество исторических трудов, я обнаружил, что факты и цифры и даже глубокомысленные выводы совсем не есть История, а только всего лишь одежды Истории, часто строгие, сверкающие и блестящие и даже расшитые золотыми галунами, как ливреи важных лакеев, иногда подызносившиеся и лоснящиеся в некоторых местах от долгого употребления, а иной раз это и просто лохмотья, ветхие и сверкающие не золотом и серебром, а зияющими дырами, порой гордо выставляемыми на всеобщее обозрение по примеру Антисфена, одного из не очень известных учеников прославленного древнегреческого философа Сократа, наставника знаменитого Диогена. А вот под этими одеждами и скрыто главное, суть и сущность Истории. Что же это? Интрига, интрига и еще раз интрига, догадливый мой читатель.

Слово интрига, как и всякое достойное уважения слово, происходит из древнегреческого языка и в точном переводе значит «пружина», точнее – «опасная пружина» и еще точнее – «опасно сжимаемая пружина».

Сжимают ее люди, которым избыток желаний и все того же любопытства вкупе с обычной непоседливостью и еще кое-какими качествами и чертами характера не дают вести размеренно-обыденную жизнь в привычных делах и заботах, и потому-то они и сжимают и закручивают ее, эту пружину, до тех пор, пока она не разожмется и не подбросит вверх тормашками всех, кто сжимал ее, вместе с теми, кто мирно вращался в кругу спокойной жизни и ни во что не совал своего носа.

Вот тогда-то и меняется мир, со всеми его странами, башимаками и шляпками. А люди, нарядившись в новые одежды, опять начинают сжимать все ту же пружину, движимые все теми же желаниями, прихотями и чудачествами, которые сплетаются в цепочки, тянущиеся из прошлого в будущее, завязываются мелкими узелками, а время от времени затягиваются в сложнейший узел, и его потом приходится развязывать, распутывать, а то и рубить мечом, как это сделал однажды нетерпеливый царь македонян Александр, благо меч у него всегда был под рукой, а решимости ему было не занимать.

Читателя, жаждущего скрупулезного разбора фактов и глубокомысленных выводов, я отсылаю к библиотечным полкам, заполненным трудами самых кропотливых историков, среди них преобладают немцы – безусловно, именно им, а не кому-либо еще нужно отдать пальму первенства, когда дело доходит до точности и глубокомыслия, по поводу, к примеру, непонятных, далеких звезд на ночном небе и нравственного закона – а к чтению моего сочинения я приглашаю только любителей интриги.

Интриги, интриги и еще раз интриги, плаща и кинжала, любви и ишаги.

Ибо, как и еще один француз – он хотя и не обладал африканским темпераментом, но тем не менее не стеснялся присущей его соплеменникам легкости и простоты вкусов, – я тоже променял бы любые серьезнейшие исторические труды на разного рода подробности, особенно интимные и потому не вошедшие в официальные отчеты, реляции и манифесты.

Я держусь мнения, что именно они, эти интимные и тайные, а вследствие своей тайности малоизвестные подробности, и есть основа интриги всех событий. А интрига и есть История, что я и продолжу доказывать тебе со следующей страницы, мой доверчивый, а

главное, ленивый читатель: когда-то ты поленился прочесть какого-нибудь Карамзина с Соловьевым в придачу или Лависса и Рамбо, ну так не поленись полистать книгу, которую волею случая ты уже держишь в руках.

І. Из расшифрованных диалогов

1. Во Франции

Мучили ли когда-нибудь незадачливого первого министра так, как мучат Ломени де Бриенна? Вместо наличных денег нет ничего, кроме возмутительных споров и упорства.

Т. Карлейль.

Два верховных масона продолжали свой вечный, неторопливый разговор, а события то следовали за их словами, то обгоняли их, а то уходили в сторону от предначертанного для них пути, петляя где-то рядом, и иной раз стоило немалых трудов, чтобы вернуть их в нужную колею, проложенную беседами, которые вели эти два человека, невидимо правящие миром. Все, что происходило во Франции и Англии, Испании и Пруссии, России и Турции, не могло укрыться от их всевидящего ока и направлялось их железной рукой. Они были всезнающи, всесильны и всевластны, от их воли зависели жизни и смерти всех живущих на земле людей – всех, кроме двух – и этими двумя были они сами.

– Что во Франции?

– Продолжается война парижского парламента против короля.

– Король выслал парламент из Парижа?

– Да. Правда, не король, пышущий силой и здоровьем, а Ломени де Бриенн, архиепископ тулузский, слабый старик, растративший свои силы на доступных красоток. Ему шестьдесят лет, а выглядит он на все восемьдесят.

– Король, хотя и силен физически, но слаб духом. А архиепископ Ломени духом тверд. Ведь он духовный пастырь.

– Ну, не духом... А желаниями... Он хочет денег. Ломени совсем сдал телом. Врачи приписали архиепископу молочную диету. Он понимает, что ему совсем мало осталось вкушать радости и удовольствия. Ломени содержит двух молоденьких любовниц и хочет последние годы провести не отказывая себе ни в чем. Он получил, наконец, доступ к пустой государственной казне, и решил наполнить ее, чего бы это ни стоило. И никакой парламент не сможет помешать ему. Он-то и вышвырнул парламент в Труа. Это столица Шампани. Городок, как и Париж, стоит на берегах Сены. Когда-то отряды галлов вместе с римскими легионерами разгромили здесь полчища гуннов. Теперь члены парижского парламента насмерть стоят в Труа, не поддаваясь увещаниям архиепископа тулузского Ломени де Бриенна. Ломени требует зарегистрировать королевские указы о новых налогах и о продолжающемся до 1792 года займе. Тогда государственная казна до краев наполнится звонкой монетой и Ломени несколько лет сможет черпать из нее и прожить на широкую ногу остаток своей земной жизни. Парламент упирается и требует созыва Генеральных Штатов. Ломени обещает созвать их, но после 1792 года, когда кому-то другому придется возвращать займы. И ни одна из сторон не идет ни на какие уступки.

– А король?

– Король каждый день на охоте.

– Королева?

– Ломени ее ставленник. Она поддержала его назначение, возмущенная тем, что предшествующий министр, Калонн, так много обещал и так недолго исполнял свои обещания.

– Откуда он взялся, этот Ломени? Ведь раньше о нем никто не слышал.

– Ну, это не совсем так... Во-первых, он все-таки архиепископ тулузский. И даже знаменит тем, что по его проекту проведен канал от реки Гароны до системы каналов, по которым из Тулузы можно плыть до Средиземного моря. Ломени член Академии.

– Вот как!

– Но главное не это. Он – друг Тюрго, они вместе учились в Сорбонне.

– Так что же, он продолжит его дело?

– С той лишь разницей, что скромный и застенчивый в молодости Тюрго хотел сделать богатой Францию за счет своего, в самом деле, недюжинного ума. А Ломени – весельчак и любимец женщин – с молодых ногтей мечтал сделаться богатым за счет Франции.

– И это ему удастся?

– Возможно. Он призвал под свои знамена Ламуаньона и даже Мальзерб.

– Кто это?

– Ламуаньон президент старого парижского парламента, разогнанного еще при Людовике XV и восстановленного Людовиком XVI, на свою голову. Когда Ломени занял место Колонна, он продвинул Ламуаньона в хранители государственной печати, то есть в министры юстиции, за что тот и помогает архиепископу в борьбе с собратьями по парламентам. А они возненавидели новоиспеченного хранителя печати больше, чем самого Ломени. Ведь Ламуаньон в их глазах предатель парламентской корпорации. Мальзерб – давнишний и настоящий, в отличие от лицемера Ломени, сподвижник Тюрго. Борец за справедливость и обличитель роскоши двора, он помогал Тюрго, когда тот пытался провести свои реформы. Мальзерб ушел вместе с ним в отставку, после того как король, со слезами на глазах, уволил своего любимого министра, не имея сил противостоять королеве, ее Тюрго вынудил сократить расходы, вельможам и священникам – их Тюрго заставил платить налоги, и народу, в глазах которого Тюрго, искреннего католика и убежденного монархиста, выставили безбожником и врагом короля.

– Какие страсти! И теперь этот человек помогает Ломени?

– Мальзерб простодушен. И поверил, что Ломени хочет претворять в жизнь планы Тюрго. Мальзерб оставил свои гербарии – он один из лучших ботаников нашего времени – и согласился, спустя десять лет после отставки, стать членом королевского совета. Честное имя добродетельного Мальзерба склонило на сторону проходимца Ломени очень многих из тех, кто раньше боролся с архиепископом. Думаю, теперь силы парламента и королевского двора уравнялись.

– Ничейный исход этой борьбы невозможен.

– Конечно.

– И долго это продолжаться тоже не может.

– Это могло бы тянуться сколь угодно долго, если бы в государственной казне имелись деньги.

– Но казна пуста.

– Пуста. И это толкает Ломени на решительные действия.

– Какие?

– Сила парламента в том, что именно он регистрирует в своих книгах эдикты короля. Без регистрации они незаконны. Ломени задумал учредить новый судебный орган для регистрации государственных законов и ведения важнейших судебных процессов – Пленарный суд. А парламентам останутся только самые незначительные судебные дела. Это лишит парламент его государственной роли, а заодно и главных доходов.

– Об этом уже известно?

– Нет, это самая главная тайна двора и Ломени.

– То есть никто из членов парламента не знает об этом плане?

– Это будет неожиданный и сокрушительный удар.

– Значит, Ломени победит?

– Вполне вероятно. Но кто бы не победил, выиграем все равно мы. Победа Ломени означает пятилетний заем в обмен на обещание созыва в 1792 году Генеральных Штатов. Но когда Генеральные Штаты соберутся, они обнаружат пустую казну – уж Ломени постарается употребить эти миллионы – и огромные долги. Долги по займам приведут к взрыву. А если победит парламент, это немедленный созыв Генеральных Штатов.

– И тоже взрыв, казна пуста, долги по старым займам Неккера и на войну за свободу Америки... Зачем же нам ждать до 1792 года?

– Нужно помочь парламенту?

– Конечно.

– Я думаю, достаточно сообщить о планах Ломени кому-нибудь из членов парламента и хитроумная интрига архиепископа провалится, утонет в скандале.

– Именно так и нужно сделать. Не стоит торопить события, срывать незрелый плод. Но, мне кажется, плод созрел.

– Созрел.

– Тогда нужно слегка потряхнуть яблоню...

2. В России

Не ровен час...

А. П. Чехов.

*Вменяемость представляется большею или меньшею, смотря по
большему или меньшему значению условий.*

Л. Н. Толстой.

- Турция начала войну с Россией? – переменял тему разговора верховный масон, который по внешнему виду казался старше.
- Войска еще не перешли границу, но ультиматум предъявлен, русского посла уже посадили в Семибашенный замок, что означает объявление войны. Дороги назад нет.
- Это свяжет силы России на год, а то и на два, особенно если в дело вступит Швеция...
- Густав III мечтает вести войска на Петербург.
- Скорее всего и Турция и Швеция ничего не смогут сделать. Но другого выхода у нас нет. Россию нужно вывести из игры... Хотя бы на год-два... Это рискованно... Как бы не получилось так, что Екатерина II приберет к рукам и Стамбул и Стокгольм...
- Тогда придется немедля снять ее с шахматной доски, как мы и намечали.
- О Соколовиче никаких сведений?
- Никаких.
- А об отречении Анны?
- Ничего. Думаю, Соколович все усилия направил на поиски отречения.
- А наш Маркиз, Полномочный Вестник Смерти?
- О, у Маркиза, видимо, все обстоит самым лучшим образом.
- С ним ведь нет никакой связи?
- Да, связаться с ним можно только в исключительном случае. Он действует самостоятельно. И следить за ним тоже нельзя. Он очень осторожен и жесток.
- Почему же ты решил, что у него все обстоит самым лучшим образом?
- По косвенным сведениям.
- Каким?
- Ну, во-первых, он женился на княгине Белосельской. Ее отец успел сколотить состояние во времена Бирона и вывезти деньги во Францию, он боялся, что оказавшаяся на троне императрица Елизавета отправит его в Сибирь, и предпочел Париж. Но капиталы отца растаяли. Дочь князя последние годы жила более чем скромно. Она перешла в католичество и в свои пятьдесят лет уже не мечтала о замужестве. Женившись на ней, Маркиз получит возможность официально въехать в Россию.
- Молодую чету не отправят в Сибирь за старые грехи отца?
- Старик давно умер от тоски по снегам России. Русские, как известно, очень сильно тоскуют по родине. Дела его забыты.
- А дочь не боится поменять цивилизованный Париж на дикую Россию?
- Дочь увлечена мыслями о приобщении страдающих во тьме невежества соотечественников к истинной религии.
- Когда она приняла католичество?
- Год тому назад.
- Тогда понятно ее рвение.
- Кроме того, маркиз купил несколько собраний картин. В его коллекции настоящие шедевры.

– Он приобрел их с какой-то целью?

– Маркиз никогда не увлекался собиранием живописи. Но он, конечно же, знает, что императрица Екатерина II скупает лучшие работы современных живописцев и старых мастеров. Картины художников рекомендует ее корреспондент, Мельхиор Гримм, называющий себя бароном. Этот проходимец неплохо наживается, подсовывая Екатерине ходовой товар за большие деньги. Видимо, Маркиз рассчитывает войти в доверие к императрице, выдавая себя за знатока и ценителя живописи. Если это так, то расчет верный. У Екатерины огромная коллекция, она хочет превзойти всех европейских монархов богатством своего собрания. Судя по всему Маркиз основательно берется за дело.

– Он всегда этим отличался.

– Жена русская католичка, живопись – все это вызовет интерес и послужит хорошей ширмой. Если Маркиз будет поставлять картины императрице, он найдет способ снять ее с шахматной доски как только это потребуется.

– Ты рассказал Маркизу об отречении Анны?

– Нет.

– Почему?

– Ну, во-первых, отречение никто так и не нашел. А во-вторых, я не хотел направлять Маркиза – он сразу бы почувствовал это. Маркиз не любит, когда его подталкивают к какому-либо решению. Он действует сам.

– Да, это верно.

– Об отречении Анны знает только аббат Фариа. От него, собственно, о нем узнали и мы сами. Когда он введет Маркиза в курс дела, то, естественно, расскажет ему об отречении Анны. И если Маркиз увидит развитие своей деятельности в этом направлении, он не упустит этот ход. Но это будет его решение. Ему на месте виднее.

– Ты прав.

– Он может найти ходы более сильные и результативные.

– Не исключено.

– Но все-таки мне кажется, что именно отречение Анны даст возможность взять ситуацию в России в свои руки.

– А если Соколович первым найдет отречение?

– Маркиз может контролировать Соколовича – он знает о нем. А Соколович и не догадывается о существовании Маркиза. Насколько я понимаю, Маркиз в первую очередь обеспечит себе способ в случае необходимости вывести из игры Соколовича. И если тот первым найдет отречение Анны, оно все равно окажется в руках у Маркиза.

– Ну что же, тогда за Россию можно не беспокоиться. А как события в Нидерландах?

– Там штатгальтер практически утратил власть. Король Пруссии хочет вмешаться, но как подчиненный в своей ложе ожидает разрешения.

– В другой ситуации пускай бы все шло своим чередом, но с учетом обстановки во Франции, лучше, если прусский король введет войска.

– Его сразу же поддержит Англия.

– И Франции придется либо ввязаться в конфликт, либо показать свою слабость.

– Не Франции, а Людовику XVI.

– Да. Людовику. Сила и слабость Франции относительны. Сколько сейчас французов?

– Миллионов двадцать пять.

– А армия?

– Тысяч двести они могут поставить под ружье. Но при пустой казне...

– Пустая казна не самое лучшее условие для ведения войны. Но и не самое главное. При сильном короле...

– Но король слаб.

– Это знаем только мы. Этого не знает даже сам бедный Людовик XVI, а его соседи и подавно. И французам пока не известно, что их король слаб. А он не просто слаб. Он – королевское ничтожество. И нужно, чтобы это поняли все. Так что пускай Пруссия вводит войска в Нидерланды.

– А если голландцы выстоят? И потом... Убрать штатгальтера, установить республику... Это тоже неплохо... И, возможно, эта республика в будущем помогла бы и Франции... Когда начнется...

– Когда все начнется, во Франции произойдет переворот и в политике и в умах. Помощь голландцев не сыграет существенной роли. Сейчас важнее нарушить равновесие. Ведь Голландия и Франция заключили союз против Англии и Пруссии?

– Да, по-моему, в 1783 году и тогда этот союз серьезно урезонил и Англию и Пруссию.

– Пусть все увидят, что Людовик бессилен и не может выполнить свой союзнический долг, как семь лет не мог выполнить долг супружеский. Ему нужно создать репутацию слабого и бессильного правителя.

– Значит, пусть прусский король...

– Вводит войска в Нидерланды. Это, кстати, подействует и на императора Иосифа II, если Австрия, как союзница России, поспешит сразу вступить в войну с турками. Турция на два фронта продержится недолго. События в Нидерландах отвлекут Иосифа II. А усиление Пруссии, возможно, вообще удержит Австрию от вступления в войну на стороне России.

– Ну что ж, отложим республику в Нидерландах.

– Когда Франция станет республикой, она поможет установить республику и в Нидерландах, как, впрочем, со временем и в Пруссии.

II. Имя странного Потемкина

1. Война

*Война есть не что иное, как расширенное единоборство.
К. Клаузевиц.*

В августе или сентябре 1787 года – читатель, надеюсь, привык к тому, что, увлекаясь, автор не всегда строго придерживается последовательности лет, а не то что месяцев – так вот, то ли в августе, то ли в сентябре 1787 года по южному почтовому тракту в направлении столицы Российской империи, без подорожной, почти без остановок мчалась карета светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, одного из, если не главных, то, по крайней мере, очень важных героев моего сочинения.

Турция неожиданно объявила России войну, ту самую, которую князь планировал через года два-три, а турки вдруг начали ее сами.

Война русских с турками, как и многие другие войны, возникающие самым естественным образом, по самым понятным причинам – то есть из первоприродного желания одних людей отнимать у других людей их дорогие и красивые вещи, грабить их села и города, насиловать их женщин и захватывать занятые ими земли – могла случиться, как тысячи других войн, сама собою, в силу врожденных свойств человека и все тех же его естественных наклонностей.

Потому что ничто не угнетает так человека, как необходимость мирно пахать землю и каждодневно трудиться в поте лица своего ради куска хлеба насущного, да еще соблюдая два десятка заповедей, записанных неведомо когда в священных текстах, а вдобавок подчиняться сотням законов и постановлений властей и господ, в пользу которых нужно еще и платить подати, оброк и налоги, а то и отрабатывать барщину. И куда как веселее шагать строем, в новом, с иголочки, мундире, горланя песни и подмигивая красоткам, привлеченным бравым видом стройных (мундир всегда стройнит) молодцев, не отягощенных никакими заботами и тревогами и только о том и думающих, как бы выпить стаканчик доброго вина да приобнять веселую подругу.

Но эта война началась потому, что она потребовалась двум верховным масонам, готовившим другое грандиозное действо с беснованием толп народа на улицах города Парижа, с пламенными речами в многолюдных собраниях, штурмом королевских дворцов, кровавыми оргиями, отрубанием голов, торжественными шествиями, песнями и танцами. Русско-турецкую войну развязали для того, чтобы ничто не помешало этим прославленным впоследствии в учебниках истории событиям.

Но, кроме того, этой войны хотели Швеция, Пруссия и Англия, чтобы получить от нее те или иные выгоды. Шведский король, подверженный приступам бурного осознания собственного величия, жаждал вписать свое имя в историю рядом с именем обожаемого им короля Карла XII и вернуть земли, утерянные им в результате войны с русским царем Петром I.

Прусский король, наущаемый хитроумными министрами, хотел присоединить к своим землям города Данциг и Торн, отняв их у Польши, а Польше взамен выделить что-нибудь из, поражающих своей обширностью, земель Российской империи, заставив ее уступить часть этих земель под угрозой войны на два, а то и на три, даже на четыре фронта.

Англия поддерживала союзную ей Пруссию, чтобы по возможности оттеснить от Турции Францию и ослабить Россию – усиление России угрожало коммерческим интересам Англии.

Хотел войны и турецкий султан, проигравший России предыдущую войну и лишившийся Крымского полуострова. Но у Турции не было ни сил, ни денег, чтобы воевать. Не имела воз-

возможности помочь Турции и ее давняя союзница Франция, она не могла поддержать даже свою соседку Голландию и защитить ее от вторжения Пруссии.

И поэтому, когда Англия и Пруссия предложили деньги и тайную помощь, султан – нехотя, потому что старый и немощный, он торопился вкушать удовольствия этой жизни, которая для него вот-вот должна закончиться – согласился начать войну.

Но больше всех этой войны хотела императрица Екатерина II Алексеевна. Правда, случился неурожай, и она благоразумно собиралась отложить войну на год, а то и на два-три года. Екатерина умела ожидать, и никогда не торопилась.

Но только отложить. Эта война должна прославить ее имя в истории России, и в истории мира, Вселенной, свершить начинания императора Петра Великого – вывести Россию к южным морям, изгнать турок из Европы, что вот уже триста лет не могли сделать хваленые европейские монархи, но сделает она, принцесса маленького, крошечного княжества, ставшая волею судеб, и своею собственною волею, императрицей великой России. А там, кто знает – Персия, Индия... И возрожденная Византия, Великая Греция, родина Плутарха, певца великих героев.

О, если бы она могла верхом на белом коне повести в атаку своих непобедимых русских воинов на вражеские ряды и колонны! Она с детства, с девических лет ездила на коне в мужском седле, но войсками в сражениях и походах должен предводительствовать мужчина. И для этого непригоден ни бесшабашный Орлов, способный только на то, чтобы собрать на площади пьяную ораву солдат, ни надутый и недовольный на все и вся Румянцев, умеющий посылать воинов в бой и на штурм крепостных стен, ни кто-либо из тех, кого за глаза называют ее гаремными мальчиками, их она держит совсем для другого.

Нужен настоящий герой, который возведет ее на трон сияющей вершины мира. И она в конце концов нашла его, нашла, вылепила, создала, возвысила над всеми. И он достоин ее надежд, ему под силу назначенный подвиг, по плечу задуманные свершения, он в упоении восторга возложит на ее голову венец блистательной славы и бессмертия, воссияющего в памяти потомков. Имя этого героя – светлейший князь Потемкин-Таврический.

Хотел ли этой войны Потемкин? Ну, конечно же, конечно... Какие сомнения... Он оставил столицу с ее пирами и балами, дамами и девицами, разодетыми в шуршащие шелками платья, стыдливо выставляющими ослепительной белизны полуобнаженные округлости тугой груди и разящими презрительно дерзкими взглядами за малейшее невнимание, он строил корабли, флот, который достигнет по черноморским волнам стен Стамбула-Константинополя и свободно выйдет в воды Средиземного моря, он возводил среди болот гавань Херсон – южную столицу державы, он населял голую безлюдную степь землепашцами и прочим хлопотливым работным людом, он готовил армию, сотни тысяч солдат, запасая для них порох и пули, ружья, штыки, мундиры и провизию, – без подвоза заготовленных заранее сухарей армии не просуществовать и нескольких дней, а для подвоза нужны волы, десятки тысяч волов – а им, этим, медленно жующим и неотрывно выпивающим целые реки воды, волам, нужна съедобная сочная трава, а зимой – сухое, душистое сено, длинные, бесконечные вереницы возов, груженых сеном.

Он, Потемкин, трудился день и ночь, опустошая казну – ведь на все требуются деньги, обозы телег медной и серебряной монеты, кипы ассигнаций. Он забирал их из казны, порождая недовольство всех, кто потихоньку, незаметно воровал из нее, и им, тащившим из казны совсем понемногу, казалось, что он тоже ворует, но только огромными суммами, пользуясь покровительством императрицы, которая известно за что закрывает на это глаза днем, чтобы ночью... Понятно, что она получала ночью за открытую для фаворита казну.

Но Потемкин ни перед кем не оправдывался и тратил еще больше, закладывал своими деньгами, когда нечего взять в казне, продавал пожалованные ему дворцы и имения, брал в долг у банкира Сутерланда и не отдавал, потому что коммерческий англичанин потерпит, обождет,

а если не захочет ожидать, то и черт с ним, он все равно не перестанет давать денег, когда у него их спросишь.

А вот те, кому эти деньги предназначены, тут же прекратят – если им вовремя не дать этих денег – махать топорами на верфи, подвозить лес, пеньку, погонять волов, тесать камень, мостить улицы и помешивать поварешками щи в котлах, чтобы артель ленивых мужичков, почавкав над миской и вытерев рукавом рты и вздремнув часок-другой, опять принялась махать топорами или ковырять лопатами землю.

Он, Потемкин, приближал эту войну всеми своими делами. Он уговорил императрицу приехать в Крым, он придумал украсить арку надписью «Путь в Византию», он, посмеиваясь, давал понять Булгакову, своему старому товарищу по университету, послу в Стамбуле-Константинополе, что не стоит особо обхаживать султана, нужно держаться твердо, помня, что у русского посла за спиной – стотысячные армии, Черноморский многопушечный флот и он, Потемкин, не потерпящий никаких претензий и капризов – ни самого султана, ни его визирей.

Слабый – а султан стал слаб – должен знать свое место. Турецкая империя, некогда могущественная и потеснившая христианскую Европу, утратила силу. Россия выдвинется на Балканы, подчинит Кавказ, азиатскую Турцию, Египет и через Суэцкий перешеек отрежет Европу от Персии и Индии.

Нужно только не торопиться. Требуется повод для войны, чтобы европейская дипломатия не подняла вой – Булгаков найдет такой повод. И нужен еще год, чтобы достроить флот, привести в порядок войска, а главное, наладить их бесперебойное снабжение и наполнить казну. А лучше два года, тогда все будет готово.

Булгаков писал из Стамбула-Константинополя, что прусский и английский послы подталкивают султана к войне, обещают деньги и нападение Швеции на севере. А Англия – поддержка своего флота. Англичане могут послать эскадры и в Балтийское и в Черное моря.

Количество кораблей английского флота казалось не-вероятным. Сто тридцать больших линейных кораблей – от пятидесятипушечных до ста сорокапушечных и около ста фрегатов, не считая мелких вспомогательных судов. Даже у Франции всего восемьдесят линейных кораблей. У России числилось около шестидесяти линейных кораблей. Но это по бумагам, а на самом деле – тридцать, считая недавно построенные суда Черноморского флота.

Ни за какие два года Англию не догнать. На один линейный корабль уходит от четверти миллиона рублей. И это при годовом бюджете в неполных пятьдесят миллионов. Да и построив боевой корабль и снарядив его ста пятьюдесятью пушками, где найти людей, годных к тому, чтобы на него посадить и приставить к этим ста пятьюдесяти пушкам, да еще и к парусам, всем этим бом-кливерам, фор-стенг-стакселям, грот-брамселям и крьюйс-марселям? Нет, Англию не догнать...

Но Англия далеко. И от Индии далеко, и от Америки, где потому и потеряла пятнадцать своих провинций. А у России все рядом – и Балканы, и Турция, и Персия с Индией. Не флотом единым все решается... Петр Великий начинал без флота. А тот, который он построил – сгнил в гаванях при беспутных наследниках. Флот российский – тридцать линейных кораблей на севере и теперь уже на юге – это немало...

2. Два года, еще два года!

*Чем более мы стараемся разумно объяснить явления в истории, тем они становятся для нас неразумнее и непонятнее.
Л. Н. Толстой.*

Получив известия от Булгакова о возможной войне, Потемкин отправил в Очаков своего человека для встречи с комендантом Гассан-пашой, которому подчинялись все приграничные территории. Под предлогом решения разных незначительных вопросов можно понять настроение турецкого командующего, да и в самом городе заметить приготовления к военным действиям.

Но, судя по всему, воевать никто не готовился. То же самое донесли и лазутчики, посланные с заданием обнаружить «шевеление турка» по границам. Нужно, нужно бы еще протянуть год-два!

Императрица прислала из Петербурга тревожное письмо. По каким-то сведениям – как она писала – «из неверного и нечаянного» источника ей стало известно, что турки могут начать войну. Что тайно подтверждают и близкие люди верховного визиря Юсуф-паши. Визирь в один день переменил свои намерения так, что они вдруг стали противоположны мнению и пожеланиям самого султана Абдул Гамида I.

Султан по старости лет с каждым годом терял свою воинственность. Можно предположить, что визиря подкупили послы Англии и Пруссии. Однако сколько же золота они ему посулили, ведь голова все-таки дороже, визирь должен бы это знать, кому-кому, а ему не однажды приходилось видеть как лишают головы того, кто не умеет ею, головою, пользоваться, то есть думать, понимать и предвидеть, наперед рассчитывая все свои слова и действия.

Екатерина все еще сомневалась, что султан решится на войну, и предполагала отставку великого визиря. Если Турция первой начнет войну, это означает, что император Иосиф II, согласно договору с Россией, – а об условиях договора в Стамбуле, как, впрочем, и при дворах других держав, хорошо известно – обязан вступить в войну на стороне России. Турция, проигравшая первую войну один на один и с тех пор только ослабевшая, не пойдет на такой шаг, войну на два фронта туркам не выдержать.

Неужели Пруссия и Англия сумели найти способ повлиять на Иосифа II и предложить ему нечто такое, что заставило его отказаться от союзного договора с Россией? Это маловероятно, вражда Австрии и Пруссии столь велика, что кто-кто, а Иосиф с молоком своей матери, Марии Терезии, впитавший ненависть к прусскому королю Фридриху II за отнятую самым наглым образом Силезию, никогда не пойдет на соглашение с Пруссией.

Договориться с ним можно, только вернув Австрии Силезию, на что, в свою очередь, никогда не согласится сама Пруссия. Тем более что по точным сведениям Пруссия вот-вот должна ввести войска в Нидерланды, чтобы поддержать штатгальтера, женатого на сестре прусского короля, и штыками усмирить голландцев. А это ущемит и Францию, и союзную ей Австрию.

Потемкин в ответном письме Екатерине снова просил у Бога еще два года. Два года – и флот и войска будут в полной готовности раздавить Турцию и стереть с карты некогда грозную империю. Два года!

Вмешательство Пруссии, за которой стоит Англия, в голландскую смуту вполне возможно столкнет Англию с Францией, союзницей Голландии. И если между ними завяжется война, то, несомненно, два года им будет не до поддержки Турции и натравливания Швеции на Россию. Два года, всего лишь два года – и можно с полной уверенностью рассчитывать на

успех, не на случайное стечение обстоятельств, не на геройство воинов и искусность их командиров, а на прочный, закономерный, из правильных действий исходящий успех.

Турция не готова к войне. Старый султан только делает вид, что намерен опоясаться мечом, а на самом деле не хочет хлопот и трат на войну. И придворным вельможам желательны тишина и покой. Казна разворована. Турецкая армия совершенно небоеспособна. Происки прусского и английского послов неосновательны. Франция, как бы ей ни мечталось навредить России, не имеет средств поддержать свою старую союзницу.

Нужно протянуть два года. Два года, которые дадут возможность направить ход событий по верному, надежному пути.

И вот как гром из казалось бы уже рассеявшейся тучи – тайный курьер из Стамбула-Константинополя.

Сначала русского посла Булгакова пригласили на конференцию к рейс-эфенди, то есть к министру иностранных дел и потребовали вывода русских войск из Грузии и выдачи Маврокордато.

Александр Маврокордато, потомок греческих князей с острова Хиоса, господарь Молдавии, давным-давно бежал в Россию. Его взяла под защиту сама императрица Екатерина II, он представил тогда ей первый проект освобождения Греции от турецкого владычества.

Кроме этого Булгакову предъявили еще с десятков претензий. Но самое главное, рейс-эфенди требовал ответа в такие сроки, что курьер не в состоянии успеть добраться из Стамбула-Константинополя в Санкт-Петербург и обратно.

Поняв в чем дело, предусмотрительный Булгаков, вернувшись в посольство, сразу же уничтожил шифры и передал в надежное место документы, архив и деньги. Спустя некоторое время его вызвали на заседание дивана и объявили о требовании Турции возвратить ей Крым и о пересмотре всех статей мира, подписанного в Кючук-Кайнарджи.

Посол России наотрез отказался и его тут же арестовали и отправили в Едикюль – Семибашенный замок. Это означало недвусмысленное объявление войны, что и было вскоре сделано особым манифестом от имени султана.

Объявление турками войны нельзя назвать неожиданным. И тем не менее донесение тайного курьера, на неделю опередившего официальные известия, пало как снег на голову. Несколько лет Потемкин готовился к войне, предвидя и даже планируя ее, а когда она вдруг началась, то тут же обнаружилось, что полки не укомплектованы, снабжение армии не приведено в должный порядок, вооружение недостаточно, многие генералы не прибыли к своим частям.

Но все это можно легко поправить, стоит только повысить голос и построже спросить с подчиненных. Тем более, что время есть – по сообщениям лазутчиков турецкая армия еще в большей мере не готова к войне.

И вдруг вместо того чтобы развить кипучую деятельность, Потемкин впал в меланхолию, приступам которой он все чаще подвергался в последние годы. Как всегда в таких случаях, всеми делами занимался секретарь канцелярии светлейшего князя Василий Степанович Попов, человек выдающийся, хотя и не такой известный, как его величественный начальник. Попов уже давно стал самым близким человеком Потемкина, оказывал на него огромное влияние и присматривал за светлейшим князем, как строгая нянька за любимым баловнем.

Еще важнее то, что Василий Степанович надежно руководил канцелярией генерал-губернатора, наместника юга России и Тавриды, президента Военной коллегии и фельдмаршала, командующего Екатеринославской армией. Руководил так, что отсутствие самого светлейшего князя – в течение нескольких дней, недель и месяцев – никак не сказывалось в его владениях, ведомствах и армейских частях.

Поглощенный глубокими раздумьями, Потемкин сел в карету и с невероятной скоростью помчался в Санкт-Петербург. Только один человек в этом мире мог дать ответ на мучавшие его вопросы, да и то, забегая вперед, скажу: надежда князя получить этот ответ была тщетной.

3. Меланхолия

Ничто так не волнует душу, наполняя ее все более сильным удивлением и благоговением, как звездное небо над моей головой.

И. Кант.

Зачем он здесь?

А. С. Пушкин.

Глубокую задумчивость, в которую часто против своей воли погружался Потемкин, я назвал приступами меланхолии, быть может, не совсем правильно. По той единственной причине, что очень трудно одним словом определить состояние души человеческой, то и дело сбивающейся с проторенного обыденно-житейского пути и проваливающейся или воспаряющей в неведомые, безграничные бездны и блуждающей в потемках без всякой надежды найти какой-нибудь смысл бытия, каждодневно заслоненный привычными заботами и простыми желаниями.

Слово «меланхолия» – греческое. Согласно точному переводу, оно означает темную, даже, точнее, – черную волну, поднимающуюся неизвестно откуда и уносящую человека в бездну, подобную той, о которой я только что упомянул. Под меланхолией греки понимали «мрачное помешательство», когда беспричинная тягостная тоска отрешает человека от жизни, а потому и доводит его чаще всего до самоубийства.

Чувство, овладевавшее Потемкиным, тоже появлялось, казалось бы, беспричинно и самопроизвольно, и отстраняло его от житейской суеты, но к самоубийству, к мысли лишиться себя жизни не толкало. Он словно, затаившись, взирал откуда-то из глубины себя на эту жизнь, удивляясь ее страшной предопределенности и непоправимости, и жестокой, неумолимой безучастности.

И вместе с тоской, страхом и ужасом возникало чувство удивления, как будто приоткрывавшее ему какую-то неодолимо влекущую тайну. И замороженный этой тайной, он как заклинания повторял неразрешимые вопросы и восхищенно и восторженно убеждался в отсутствии ответа на эти вопросы: «зачем я?», «зачем все вокруг меня?», «зачем бьется сердце?», «зачем так высоко в небе облака?», «зачем муравей тащит соломинку?», «зачем я явился в этот мир?», «зачем живу?», «что со мною станет, когда умру?», и «как это меня не будет?» – вопросы, такие же бессмысленные, как и сам мир.

Первый раз это случилось с ним в детстве, лет пяти, поздним летним вечером, накануне надвигающегося ненастья. Недалеко от дома, на опушке леса, в вечернем сумраке, под высоким небом с разорванными, клубившимися темно-синими облаками он увидел в раскрытом оконце сторожки лесника малолетнего придурка. Мальчонка в грязной рубашонке, с большущей головой на тонкой шее, с огромными белками бессмысленных глаз идиота, неестественно вывернув шею и вперившись неотрывным взглядом куда-то ввысь, в просветы между облаками, тыкал ложкой в миску, стоящую на подоконнике, и машинально, раз за разом, засовывал ложку с кашей в рот.

За спиной у него, в печи, горел огонь, на улице безмолвный сумрак темным бездонным омутом поглощал лес и сторожку под бездонно высоким небом – вот тогда впервые ему и пригрезился этот, еще неосознанный им, страшный вопрос: «зачем?», и он побегал со всех ног домой, словно сумрак с опушки леса протягивал за ним свои змеиные щупальцы.

Второй раз это произошло перед отъездом на жительство в Москву – ему тогда минуло лет десять – опять в вечерних сгущающихся сумерках. Он забрел в запущенный, заглохший сад за домом, где между одичавшими яблонями уже росли молодые тонкие березки, а кое-где,

в высоком бурьяне, и маленькие пушистые елочки. На склоне, спускавшемся к пруду, от которого по изумрудно зеленой траве босоногая крестьянская девчонка гнала стайку белоснежных гусей, стояла покосившаяся и вросшая в землю банька.

В этой баньке мать когда-то и родила его на белый свет. Крытая полусгнившим тесом банька заросла лопухами и крапивой, достававшей до крыши. Летний сумрак вокруг казался светлым. Дверь баньки была раскрыта и черный зев дверного проема темнел страшным провалом в бездонную, всепоглощающую пропасть небытия.

И он снова не выдержал непонятно откуда и почему нахлынувшего ужаса и бьющегося в висках вопроса: «зачем?» и бросился бежать через сад, цеплявшийся за него корявыми ветками старых яблонь и хлеставший по лицу тонкими ветвями березок с только что развернувшимися маленькими клейкими листочками.

Потом он совладал с этим чувством – оно охватывало его всякий раз, когда он безлунной ночью смотрел в ясное небо, роившееся в высоте мириадами звездочек и звезд – он уже знал, что каждая звездочка это душа – то ли некогда жившая в чьем-то теле, то ли назначенная неизвестно зачем вселиться в чью-то телесную оболочку, исторгнутую из женской плоти в какой-нибудь заброшенной баньке.

Позже это же чувство и тот же немой вопрос возникали, когда он лежал рядом со спящей женщиной и, холодея от непонятного ужаса, слышал ее бессмысленное, равномерное, как стук собственного сердца, дыхание и видел в светлой темноте раздвоенную белизну груди и темнеющий низ округлого живота, всегда вызывающий в памяти темный провал дверного проема баньки, от которого он едва убежал через заросший, одичавший сад.

Именно поэтому в молодости и в зрелые годы у него было так мало женщин. После ночей, проведенных с императрицей, это чувство никогда больше не возникало – он засыпал, не слыша ни дыхания женщины, ни стука своего сердца. И поэтому теперь женщин было много.

Но для него в этом мире, в этой жизни существовала только одна женщина – царица, императрица, Екатерина. Он добился ее, завоевал, он не просто стал ее любовником, он поставил свои условия и она приняла их, они обвенчались, хотя и тайно.

Только потом он понял, что она, Екатерина, не подчинилась ему полно и всецело, как жена мужу, не прилепилась к нему, как того требует священное писание и неписанный закон естества, не стала его частью, а подчинила себе его самого. Глубоко уязвленный тем, что все вышло так, как хотела и устроила она – сохранив за собой свободу и власть и оставив его при себе в той роли, в которой он ей нужен – он согласился на эту роль, в глубине души подразумевая перемену такого положения.

Для изменения этого положения должны произойти большие, очень большие перемены, крушение целых империй и возникновение империй новых. И он сделал все, чтобы их приблизить. И когда они, эти перемены, казалось вот-вот должны были начаться, в душе его вдруг поднялась темная, черная волна, грозящая поглотить его, словно ничтожную щепку в безбрежном океане.

4. Кто ты есть?

*На Потемкина часто находила хандра.
А. С. Пушкин.*

Однажды, за несколько недель до объявления Турцией войны, Потемкин обедал вместе с секретарем своей канцелярии Поповым. Они начали с ботвиньи. Почти отполовинив тарелку, Попов вдруг заметил, что светлейший князь, проглотив всего несколько ложек знаменитого кушанья, погрузился в глубокую задумчивость. Когда Попов спокойно доел ботвинью, Потемкин неожиданно спросил шампанского и, выпив два бокала искрящегося бурными пузырьками вина, доставленного из далекой Франции, сказал, обращаясь к Попову:

– Возможно ли быть в этом мире счастливее меня?

Слово «счастье» в те времена в большей мере означало удачу, успех, чем удовлетворение желаний и достижение покоя и благоденствия.

– Все о чем мог бы мечтать смертный – достиг, – продолжал Потемкин, с каждым словом возвышая голос, – желал чинов – чины имею самые высокие, хотел наград и орденов – получил все, какие только есть, любил играть – играл, проигрывая несчетные суммы, любил веселье и праздники – праздновал как никто, любил великолепие – строил дворцы, любил блеск бриллиантов – алмазы рассыпал горстями... Все страсти мои исполнялись, все, что хотел иметь – имею, все, что желал достичь – достиг, – отчаянно выкрикнул последние слова Потемкин, схватил со стола дорогую фарфоровую тарелку и изо всех сил ударил ею об пол.

Мелкие осколки брызнули во все стороны. Светлейший князь вскочил, огромными шагами ушел в спальню и заперся.

Попов знал и о приступах меланхолии, случавшихся ранее, и о припадках лихорадки, не оставлявших Потемкина уже лет двадцать. Князь не подпускал к себе врачей, болезни – и лихорадка и меланхолия – могли сгубить его раньше времени, ведь Потемкину не было даже пятидесяти. С его внешней силой и здоровьем он жил бы не менее ста лет, а то и больше. Если проклятая меланхолия не отнимет силы и не сожрет его.

Попов обладал деятельным умом. Он не только искренне любил Потемкина, но и видел в нем возможность собственного устройства в этом мире. Он мыслил себя при Потемкине, осознавая, что чем выше и сильнее князь, тем надежнее положение его верных слуг. Он хорошо понимал, что поражение господина, как и его смерть, гибельны и для его сподвижников.

По природе своей Попов имел такое устройство души и ума, что отождествлял себя с тем, кого избрал хозяином, и ему претило менять господ. Попову был нужен Потемкин ничуть не менее, чем сам он был необходим светлейшему князю.

Два дня Потемкин не выходил из спальни, не ел и не пил, погруженный в пропасть тягостных раздумий ни о чем.

Чтобы вывести князя из протрации, Попов рассказал ему об отшельнике, знаменитом на всю Кременчугскую округу. Отшельник жил недалеко от гранитных ломок у местечка Переволочня, где находился удобный брод через Днепр.

Место это известно еще и тем, что здесь Меншиков с небольшим отрядом уговорил сдать в плен остатки шведской армии, разбитой под Полтавой. Шведы числом намного превосходили отряд Меншикова и даже имели артиллерию в тридцать орудий. Но узнав, что король Карл XII покинул их и с сотней приближенных перешел Днепр и бежал в Турцию, шведы пали духом и сдались на милость победителя, сложив оружие и сдав боевые знамена и пушки.

Что касается отшельника, то он мог с одного взгляда определять вора и безошибочно уличал во лжи любого человека, пытавшегося скрыть правду, а кроме того, снимал наговор

и ворожбу. К нему обращались за советом и по житейским вопросам. Он разрешал и споры, касающиеся наследства, и нарушения клятв при разных обязательствах. Молва утверждала, что отшельник намного мудрее библейского царя Соломона, прославившегося справедливым судом, своими притчами и непомерным женолюбием.

Рассказ Попова о шведских войнах, брошенных королем на произвол судьбы и оттого утративших силу духа, тронул князя, глаза его заблестели, и он как будто вернулся в этот мир из окутавших его призрачных потемков, а упоминание о библейском царе Соломоне совсем оживило.

– Так что ж этот отшельник? – спросил Потемкин, видимо ожидавший, что Попов расскажет ему историю с примером мудрого решения какого-либо запутанного спора.

– Отшельник, как говорят, всезнающ, – сказал Попов, – вот у него, князь, и спроси, есть ли кто на свете счастливее тебя.

На следующий же день, приведя себя в порядок после путешествия в зыбкие нездешние бездны и, сам не зная почему, облачась в парадный мундир, Потемкин отправился к отшельнику.

Отшельник жил не в гранитной пещере, как сразу придумалось князю, а в довольно большой мазанке, добротным хутором с разными дворовыми постройками, расположившейся в укромном, защищенном косогором от ветров месте, недалеко от Днепра. Войдя в мазанку, Потемкин, опять же к своему удивлению, увидел не дремучего старца во власянице, а опрятного старика в белой рубахе, холщовых штанах и в мягких полусапожках. Седые волосы его были по-хохляцки подстрижены в кружок, бороду и усы он брил. Смотрел отшельник тяжело, властно и сковывающе.

– Кто ты? – спросил отшельник Потемкина, замешкавшегося с пожеланием здоровья и объяснением причины визита.

– Потемкин, – ответил князь так, словно его пятилетнего спросил незнакомец, встретив на безлюдной дороге вдали от дома.

– Знаю, твои люди говорили, – с оттенком недовольства за непонятливость сказал отшельник. – Спрашиваю, кто ты есть, человек Потемкин? Ты ведь хочешь царствовать, а кто ты есть? Как тебе царствовать? Крови ты переступить не можешь отважиться. Видишь свой предел, а преодолеть тебе не дано. В этом вся твоя мука.

Потемкин вспыхнул, резко повернулся и выбежал вон, не сказав ни слова. С того дня вопрос: «Кто я, Потемкин, есть?» не давал черным волнам меланхолии накрывать его с головой. Но и найти ответ на этот вопрос тоже оказалось непросто.

5. Главный вопрос

– И где положен мне предел?

Анонимная пьеса XVIII века.

Кто он таков?

А. С. Пушкин.

Как только турецкий султан вдруг неожиданно объявил войну, Потемкину сразу же стало ясно, что так ли, иначе ли полки будут доукомплектованы, снабжение войск налажено, генералы и командиры с опозданиями, но явятся к своим частям. И русская армия, вдвое больше той, которая в прошлую войну разгромила турок и перешла Дунай, теперь дойдет до Стамбула-Константинополя.

И Оттоманская Порта, некогда полная первородной силы, грозившая поглощением Европе – когда-то турки смяли Сербию и стояли под стенами Вены – и грабившая вместе с татарами незащищенный юг России, утратила мощь, оставаясь только пространной, и теперь распадется на несколько частей.

На славянских Балканах и греческих островах возникнет возрождаемая Византия со столицей в Константинополе. Часть земель отойдет к Австрии и Польше. Азиатский юг с Кавказом до Персии перейдет к России. Богатства юга и торговля переместят центр Российской империи, северная столица не удержит всей ее территории.

И это произойдет не в далеком будущем – это уже началось. Неосторожное, хотя и не ко времени (лучше бы года через два), движение Турции уже не остановить, не удержать, как не удержать разваливающееся старое ветхое строение, оседающее под собственной тяжестью, когда не выдержали сгнившие подпоры и сваи основания.

Кто есть он, Потемкин, кто он сейчас и кем он станет, когда все это произойдет, свершится его рукой?

Екатерина II восседает на троне в Санкт-Петербурге. Ему, ее венчанному мужу, нет места рядом с ней. Трон в Константинополе предназначен внуку Екатерины II – Константину. А свой трон Екатерина хочет оставить своему любимцу, внуку, ангелу Александру.

Великий князь Павел Петрович не может рассчитывать на престол, который он считает своим, у него незаконно отнятым. Что его ждет? За ним стоит очень сильная пропрусская партия. Это и Румянцев и Репнин. И прусский король за спиной великого князя. Как Екатерина собирается разрешить этот вопрос?

И что получит он, Потемкин? Когда-то она дала королевскую корону Понятовскому – теперь понятно, что он уже не в силах ее удержать. Какая корона достанется ему, Потемкину? Или все-таки польская, или новая, юга России? Как развяжется весь этот узел? Кто он есть, Потемкин? Дать ответ может только она – Екатерина.

Поэтому князь и едет к ней, без курьеров, не предупреждая о своем приезде, не останавливаясь на ночлег. Война началась, Турция двинулась и он должен знать, чем все это окончится для него. И кто он есть, Потемкин.

Так кто же он все-таки есть – Потемкин, на тот момент достигший высших пределов, доступных человеку? И есть ли предел выше, ему недоступный, что и смущало его мысли, и тревожило душу?

И не обманывался ли он, или обманывал сам себя, вслух утверждая, что достиг всего, но зная, что есть то, чего ему не достичь?

6. Самнитский корень

Сыны Авзонии счастливой.

А. С. Пушкин.

Собственно сабины стали победоносно распространяться под именем самнитов.

Ф. Любкер.

Самнитский полководец Понциус заманил римское войско в Кавдинское ущелье и заставил его сдаться. Римлянам пришлось позорно пройти под «иглом», или «под ярмом» – через ворота из трех копий.

Словарь античности.

Враги и завистники почитали его выскочкой, пролезшим из грязи в князи через постель блудливой немки, самовольно рассевшейся на царском престоле. Именовали князем тьмы, не по чину возмечтавшем о короне, а из его достоинств называли только тот «предмет», коим тешат бабью похоть, плотское вожделение, творят блуд и распутство, и уличали ничтожностью наследственного достояния и незнатностью происхождения.

Происходил светлейший князь и тайный супруг монархини из мелкопоместного дворянства, обитавшего в глухомани захолустья Смоленщины, равноудаленной от обеих столиц на западных, но все же окраинных, границах империи. И роду, казалось бы, незнатного, но на самом деле не так уж и просты были Потемкины.

Отца светлейшего, Александра Васильевича, во времена царя Петра I взяли на воинскую службу и лет до пятидесяти он тянул армейскую лямку. Лямка – ремень через плечо для тяги, ремень солдатской сумы, черезплечный широкий ремень этот пушкари подхватывают для подмоги, когда тащат пушки на крутых подъемах и плохих дорогах, потому как лошадям тяжело; лямкой называют и ошейник немецкой конской упряжи, он у них, аккуратных и изобретательных, но не смысленых немцев, вместо хомута, немцу, по его недоумию, коня не жалко, она же – лямка – и у бурлака, бурлак не конь, ему хомут не положен.

При царе Петре дворянина впрягали в армейскую лямку надолго. «Тяни лямку, пока не выкопают ямку», – говорили солдатушки, бравы ребята, потому как служили тогда бессрочно. Александр Потемкин прослужил лет до пятидесяти. Уйти в отставку дворянину позволялось только или без руки или без ноги. Он же, пройдя и штурм Азова, и славную Полтавскую баталию, и бесславный Прутский поход, хотя и получил отметины и знаки от пуль и картечи, но их в зачет не принимали, а руки и ноги у него оставались целы.

В чинах он рос по выслуге, от рядового до майора, ни разу не перескочив через старшинство, что во многом объяснялось гордостью и самомнением, свойственным всей породе Потемкиных и карьере не способствовавшим.

В нижних чинах Потемкины ходили не всегда. По семейным преданиям, род их происходил из такой глубокой древности, что позавидовали бы и римские императоры, а уж тем более русские цари. Потемкины вели свой корень от самнитских князей Авзонии. Суровые коренные жители Апеннинских гор, самниты, не пожелали подчиняться пришлым римлянам, и не однажды побеждали их, пока не были почти все истреблены вследствие своей неукротимой гордости.

Когда великий Рим пал, потомки одного из славных князей самнитов – Понциуса из города Потенции бежали в Литву, впоследствии вошедшую в Речь Посполитую, которую, не вникая в тонкости устройства этого союзного государства, обычно называли Польшею, откуда один из храбрых отпрысков Понциуса – Потемтин перешел на службу к князьям московит-

ским, где его наследники, поименованные более понятным на слух прозвищем Потемкиных, достигли немалых чинов и званий.

Они служили воеводами, ходили в царских стольниках и окольных и получали от царей немалые вотчины. Самым известным среди них был окольный царя Алексея Михайловича, за познания в чужих языках и проницательный ум назначенный главою посольств в чужеземные страны – Австрию, Англию, Францию и Италию.

Окольный Потемкин прославился не только познаниями, но и непомерной гордостью. Занемогший испанский король, чтобы не откладывать прием посла из далекой Московии, начал беседу с ним, лежа на диване, вынесенном в тронный зал. Окольный, не желая уронить чести своего государя, потребовал, чтобы ему предоставили диван, и, лежа, продолжил разговор с королем.

Рассказ об этой демонстрации самнитской гордости светлейший князь Таврический услышал в самые юные годы и не забывал его никогда.

Немногочисленный род Потемкиных, расселяясь по дарованным им за верную царскую службу вотчинам, измельчал и разделился на две ветви. Одна из них, московская, почти угасла и через женское потомство утратила фамилию.

Вторая, обитавшая в смоленских поместьях, раздробилась и с потерей Смоленска вновь оказалась в Польше, то есть в Речи Посполитой, а после возвращения порубежного города «тишайшим» царем Алексеем Михайловичем, хранила в мелкопоместной глуши некогда громко звучавшую в царских палатах и при дворе европейских королей фамилию предков и неистребимый гордый дух строптивых самнитов.

Александр Потемкину удалось оставить свой боевой драгунский полк, перейти из военной службы в статскую. А после он и вышел в отставку в чине подполковника, когда годы его приближались к библейской черте семидесяти.

Перейдя в статскую службу, – а служил он в Москве – крепкий еще старик, не желая заканчивать земной путь без продолжения, уговорил свою бесплодную жену уйти в монастырь, а сам сумел прельстить замужеством молодую вдову, красавицу с завидным приданым из старинного знатного рода, во вдовстве Скуратову, в девичестве Кофтыреву, из семьи царского стольника.

Нашел он ее у соседней по имени своей родной сестры под Тулой. Молодица пошла за, хотя и не молодого, но бойкого ухажера, потому как тоже надеялась иметь «детушек», не успев обзавестись ими в первом, недолгом, по причине ранней смерти супруга, замужестве.

Молодожены перебрались в небольшое, в сотню душ, родовое поместье мужа Чижово, на Смоленщину. Старик не сплеховал по своим преклонным годам, а Дарья Васильевна – так звали действительно молодую жену, она была вдвое моложе своего избранника – тем более. И родила пятерых дочерей и богатыря и красавца сына.

Жизнь супругов не была счастливой. Старик до бешенства ревновал молодую жену. Она не давала повода, не изменяла мужу, который держал ее под замком и нещадно бил за каждый взгляд, брошенный на двадцатишестилетнюю красавицу кем-либо из соседней. И когда он покинул этот мир, стало легче, но не намного. Близкие и дальние сородичи мужа, да и соседи, постарались оттягать у вдовы все, что можно, и затаскали ее по судам.

Тем не менее Дарья Васильевна тоже показала крепкий характер, не уступила никому ни аршина из семейных владений, выдала замуж дочерей и уехала в Москву, где у нее имелся свой дом на Большой Никитской улице и множество родни. Сына в первопрестольную она отправила еще раньше, недорослем, лет двенадцати.

По тем временам такой возраст считался вполне серьезным, совсем не малолетним. Таких недорослей уже брали на воинский учет. Гриц – по-домашнему, а по документам – Григорий Потемкин на втором смотре (первый воинский смотр он прошел еще на Смоленщине)

числился наследным владельцем полтысячи крестьян и был записан в Конногвардейский полк рейтором, то есть рядовым.

Потемкин получил отсрочку от воинской службы. Он поступил в гимназию при недавно открытом университете и даже был награжден золотой медалью за первенство в науках.

7. Вещий сон

Мой дядя самых честных правил...

А. С. Пушкин.

И снится чудный сон...

А. С. Пушкин.

Мать рассказала Потемкину, что накануне того дня, когда родила его, ей приснилось выкатившееся прямо на нее солнце. Такое видение не могло явиться просто так. Великие предки и самнитская гордость питали честолюбие и будили самомнение. Недоросль становился юношей. В Москве он жил в семье своего двоюродного дяди по отцовской линии, Кисловского, президента Камер-коллегии. Камер-коллегия ведала сбором налогов со всей России и ее президент был человеком важным и влиятельным.

Кисловский, крестный отец Грица, воспитывал племянника вместе со своим сыном, тоже записанным в Конногвардейский полк. Присмотревшись к племяннику, дядя позволил ему то, что, за отсутствием интереса, не разрешал сыну – слушать беседы взрослых, часто собиравшихся в доме президента Камер-коллегии.

Вечера, проведенные Потемкиным в уголке кабинета дяди, когда к нему заходили то московский генерал-губернатор, то обер-полицмейстер, то архиепископ или кто-нибудь из старых московских вельмож, помнивших еще царя Петра и царевну Софью, стоили нескольких университетов.

Не меньшее впечатление на Потемкина производили встречи и разговоры с близким родственником матери, генерал-поручиком Загряжским, сыном генерал-аншефа и казанского губернатора. Загряжские вели свой род от крещеного татарина, приближенного великого князя Дмитрия Донского. Загряжский очень много знал. Он был в свое время коротко знаком с Разумовским. Сын Загряжского, одноклассник Грица, служил в Измайловском полку, которым командовал Разумовский, брат фаворита императрицы Елизаветы Петровны. Оба брата происходили из простых казаков, они даже дворянами считались условно. А достигли вершин власти и богатства.

Сына Загряжского со временем выберет себе в мужа одна из дочерей Разумовского и оба они – муж и жена – станут одними из немногих людей в России, которые не завидовали участи и фортуне светлейшего князя Таврического, а любили его как близкого, хотя и дальнего родственника.

Третьим человеком, оказавшим огромное влияние на Грица, был архиепископ Амвросий, его духовник, выпускник двух академий – Киевской и Львовской, знаток древних языков и священного писания.

Потемкин читал книги запоем, день и ночь напролет. За сутки «проглатывал» то, что его сверстники-студенты с трудом одолевали за неделю. Но прочесть книгу мало, нужно понять то, что прочел, пережить, вжить в себя. Как велики властители и полководцы, описанные у Плутарха, как блистательны Ахиллес и хитроумный Одиссей у Гомера! Но сказано:

Из тварей, которые дышат и ползают в прахе,
Истинно в целой Вселенной несчастнее нет человека.

В целой Вселенной, то есть под тем звездным куполом ночного неба, поглощавшего его в омут непонятного самому трепета, переходящего в ужас. Как велик был мир в Чижове с его высоким, необъятным небом, клубящимся в вышине темными, страшными облаками и мерца-

ющими недостижимыми звездами! С темным провалом дверного проема той баньки, вросшей в землю, из которой когда-то вынесли комочек его ничтожной, бессмысленной плоти! Зачем? Ради чего? Чтобы потом он поднял голову и увидел над собой это мерцание звезд – такое же безмолвное и ничего не объясняющее, как и все, что шевелится в прахе жизни, или бессмысленно замирает, как замерло лицо старика в гробу, его отца, которого Грица заставили поцеловать, прежде чем закрыть крышку гроба и опустить в яму и засыпать землей?

И у Амвросия, познавшего всю книжную премудрость, нет ответа на эти вопросы.

И ходи по путям сердца твоего
И по видению очей твоих...

«Но время и случай для всех», – что же он хочет, он, Потемкин? Какой путь назначен ему – от темнеющего дверного проема той самой заброшенной баньки до черного разверстого зева могильной ямы?

«Что я хочу, раз уж я оказался в этой жизни?» – молча в мыслях вопрошал он, рассматривая себя в старом, потресканном зеркале.

Восемнадцатилетний Потемкин ростом на голову был выше своих сверстников, студентов по университету. Превосходил всех силой, статью и красотой лица. И успехами в науках. А более всего желанием первенствовать.

Снедаемый пока еще скрываемой даже от самого себя самнитской гордостью, которую он время от времени пытался усмирить мыслями о монашеской узде для своего неукротимого самолюбия, Гриц копался в тайниках своей души, распаленной чтением о подвигах и величии и находил в ней только жгучее любопытство и стремление превзойти всех и вся, превзойти во всем – славе, богатстве, власти, могуществе, в шуме и блеске, удовольствиях и разгуле и в бессмертии.

Желание первенствовать зрело постепенно, превращаясь во всеобъемлющее чувство, подтопляющее и заполняющее его всего, полностью отдающегося во власть этого наваждения, пока еще не совсем осознанного.

Представление ко двору императрицы Елизаветы Петровны и встреча с великой княгиней Екатериной Алексеевной потрясли Грица и перевернули всю жизнь Григория Потемкина.

8. Братья разбойники

Братья разбойники.

А. С. Пушкин.

Иван Иванович Шувалов еще будучи камер-юнкером отличался склонностью к серьезным занятиям, благодаря ему в царствование Елизаветы было сделано кое-что для народного образования.

В. В. Андреев.

В то время, когда Потемкиным овладевало желание первенствовать, первыми в России при прекрасной императрице Елизавете Петровне сделались братья Шуваловы.

Александр Иванович Шувалов и Петр Иванович Шувалов происходили из старинного, но не знатного дворянского рода, их предки не поднимались чином выше стрелецкого сотника. Отец их, Иван Максимович Шувалов Старшой, по назначению самого Петра I стал комендантом Выборга, а умер Архангельским губернатором. Сыновей своих он сумел определить пажами к царскому двору и они состояли при царевне Елизавете Петровне. А когда ее отодвинули от родительского престола, то братья оказались в числе самых деятельных заговорщиков, и подсадили дочь царя Петра на трон.

Старший брат Александр стал со временем главою Тайной канцелярии, младший, Петр, нравом был опаснее старшего. Он прибрал к рукам финансы и торговлю солью. Женится Петр на Мавре Егоровне Шепелевой, ходившей в подругах у императрицы. И, казалось, не было в России такого человека, которого братья Шуваловы не могли бы сжить со света. Люди, невзначай или из строптивости, не уступавшие им дороги, исчезали десятками – кто в пыточных застенках, кто в тайных подземных тюрьмах, а кто на широких просторах Сибири, где человека ищи не ищи – не сыщешь.

Правда, имелся в Российском царстве-государстве один человек, державшийся с Шуваловыми на одной ноге – Алексей Григорьевич Разумовский, выходец с хохляцкого хутора, тайный муж императрицы Елизаветы. По характеру человек не злой, он не пользовался своим положением – не бросал в тюрьмы людей и не торговал солью.

Но вспыльчивый и буйный во хмелю Разумовский, под пьяную руку не однажды жестоко – потому как удержу не знал – избивал Петра Шувалова, а тот, кроме брата и коварной Мавры Егоровны, на него никому не жаловался, потому что выше брата и Мавры Егоровны только императрица. А ей на Алексея Разумовского, милого Алешеньку, жаловаться не с руки.

У рано умершего отца Шуваловых, Ивана Максимовича Старшого, был родной брат, почему-то названный тем же именем – Иван Максимович Меньшой. Он дослужился всего лишь до капитанского чина и женился под старость на красавице полячке. Она звалась Татьяной Ростиславской. Оставшись с малолетним сыном, свет-Ванюшей на руках, красавица полячка уехала в свою деревеньку, в глушь Смоленской губернии. А когда сын вырос и вернулся в Москву, ни одна женщина не могла оторвать от него глаз.

Уж больно красив, пригож и статен удался юноша. Взглянув на такого, молодки – и замужние и незамужние – для вида опускали глаза долу, а выбрав момент, стреляли из-под соболевых бровей стрелами, одолженными у шаловливого мальчугана по имени Амур. А характером Ванюша удался еще лучше, чем лицом – и добр, и покладист, и умом не глуп.

Увидев двоюродного брата, Шуваловы поняли, что перед таким соблазном не устоять и императрице. Разумовский уже не молод. Ходили легенды о размерах его мужского предмета. Но умом хохол не далек, а это ведь тоже не последнее дело. Братья определили юного красавца ко двору, в камер-пажи. А Мавра Егоровна постаралась обратить внимание императрицы на новичка при дворе – и она назначила ему состоять камер-юнкером при своей особе.

И с тех пор Разумовский даже в пьяном виде уже не осмеливался поднять руку на братьев Шуваловых. А Ивану Ивановичу Шувалову отвели особую комнату во дворце – рядом с покоями императрицы.

Началось время Ивана Шувалова. С тех пор вошло в употребление выражение – быть во времени. Позднее замененное другим – быть в случае, потому что время некоторых фаворитов случалось таким коротким, что его и временем не назовешь, не время, а именно случай. Но Иван Шувалов оставался при императрице до последнего ее часа.

Во-первых, его оберегали братья, а пуще всего Мавра Егоровна, за версту чувшая любое коварство. Приглянулся императрице статный конногвардеец Никита Панин – его тут же спроводили послом в Данию. А когда императрица увлеклась неотразимым красавцем Бекетовым, ему порекомендовали мазь, от которой лицо должно обрести приятную свежесть и привлекательность, но вместо этого покрылось такими язвами, что он уже не мог показаться при дворе.

Старшие братья Шуваловы, получили графские титулы и фельдмаршальские чины, под их присмотром собирались все доходы в государственную казну. Младший, Иван Иванович Шувалов оказался на диво и не по чину бескорыстен. Он отказался от графского титула и от обширных поместий, от денег и от звания фельдмаршала.

Только науки и искусства привлекали его внимание. И Елизавета не отказывала своему любимцу, когда он просил денег на помощь Михайле Ломоносову или на учреждение университета.

Университет открыли в Москве. Вот уже два года, как важные профессора читали лекции, а беспечные студенты зубрили латынь и постигали премудрости Аристотеля и Евклида, штудировали сочинения новейших химиков и физиков, а отец-основатель университета не имел возможности взглянуть на свое детище, неотлучно находясь при императрице в северной столице, потому как она не любила его отсутствия.

Директором университета назначили Ивана Ивановича Мелиссино, потомка византийских императоров, знатока греческого и прочих древних языков. Чтобы в Петербурге не забыли о вверенном ему заведении и дабы доставить удовольствие своему покровителю, умевший угождать грек выбрал двенадцать студентов, более других преуспевших в науках, и доставил их на прием к самой императрице, чтобы и она удостоверилась, что деньги из казны потрачены не напрасно и есть у нас теперь студенты, не из Германии привезенные, а свои, доморощенные Платоны и Невтоны.

Так Потемкин, незадолго до того удостоенный золотой медали за успехи в науках и попавший в число счастливых, оказался в тронном зале только что отстроенного Зимнего дворца.

9. Императрица Елизавета

*Веселая царица
Была Елизавет.*

А. К. Толстой.

*...в закон себе вменяя
Страстей единый произвол.*

А. С. Пушкин.

Императрица Елизавета Петровна благосклонно отнеслась к студентам. Студенты действительно выглядели как настоящие – в камзолчиках и при шпагах. А один из них, повыше остальных ростом, так даже и не студент. Студент, конечно, но да и не только... Высокий, стройный красавец, пригожий и, сразу видно, пригодный не только для наук.

На молодых людей императрица взгляд имела острый и сразу примечала, кому в каком качестве прилично быть. Науки – дело полезное. Но если молодой человек способен к воинскому поприщу, то военный мундир ему более к лицу, чем студенческий. А в военном звании молодые люди, будучи при мундире, пользуются вниманием дам и немало осведомлены и в делах любви.

Любовь императрица почитала делом для государства не менее важным, чем науки. Ее матушка никаких наук не знала и даже грамоте не обучалась. Владела только природным женским делом, навык в нем постигается природной сноровкой и чутким сердцем, без профессоров и лекций. И достигла через то трона.

Сама Елизавета к любви имела очень большую склонность. Несколько раз ее налаживались выдать замуж – и за французского короля, и за немецких принцев – всех своих суженых она успевала полюбить от одной только мысли о них, и любила даже несмотря на то, что все ее браки расстроились, любила по одним воспоминаниям.

А уж как она любила первого своего «милого»! Бравого гвардейца Шубина у нее отняли и упрятали в Сибирь, разлучили голуба с голубою. Только она его не забыла. Вернув отцовский трон, велела Шубина разыскать и в память о любви их наделить именьями. Душа ее к любви была отзывчива, на мужскую ласку памятлива, за все нежное, приветное по женски безотказна.

Поэтому и обвенчалась с сыном простого казака, чтобы любить без греха. Да как в любви без греха. Любовь и грех превозмогает, коли милый хорош с лица, да и фигурою удался. Как ей не любить своего Ванюшу Шувалова – такого лапушку во всем свете не сыщешь. И пригож, и мил, а по доброте своей сущее дитя. И нет ему ни в чем отказу.

Вот и университет этот. Говорят, еще родитель ее покойный, государь Петр I, велел учредить, чтобы как в Германии и во Франции. Ванюша и учредил, ему науки по душе. И студенты теперь свои, не нужно в Германию посылать, тут, у себя дома, наукам обучатся. Науки ведь тоже нужны в государстве.

Только ее душа больше к любви склонна. А студент-красавец уж больно хорош. Такой не только к наукам способен. Его и в гвардию можно. Ласково посмотрев на Потемкина, императрица спросила стоявшего рядом с тронном Мелиссино:

– Кто таков?

– Потемкин, президента Камер-коллегии Кисловского племянник, из смоленских дворян. В древних языках успехи. И в церковной истории.

Поняв, что императрица заинтересовалась его подопечным, Мелиссино кивнул Потемкину и тот подошел ближе к трону.

– Кто ж тебя, такого молодца, в студенты определил? – спросила императрица и с материнской нежностью добавила, – тебя бы в гвардию, да и в придворную службу тоже подошел бы.

– В гвардию записан, в Конногвардейский полк рейтором, – отрапортовал Потемкин, чувствуя, как смущение, охватившее его в первое мгновение, когда он увидел, что Мелиссино подзывает его к императрице, вдруг само собой улетучилось.

– Рейтором? Жалую тебя капралом, – кокетливо улыбнулась Елизавета и невольно окинула юношу совсем не материнским взглядом.

Обычно официальные приемы и церемонии наводили на нее скуку. Но на этот раз, после разговора с красавцем-студентом, настроение улучшилось. В последние годы забывчивая, и в мелочах, и даже в важных делах, она не забыла о Потемкине и на следующий день напомнила Мелиссино о капральстве для приятного юноши.

Елизавете еще не было и пятидесяти. Потемкину только-только минуло восемнадцать. Молод, но и Шувалова она взяла к себе в камер-пажи, когда тому исполнилось немногим больше двадцати. И ничуть не разочаровалась. Несмотря на молодые годы, ни в чем упрека он не заслужил. И при всей мягкости характера и скромности, во всем оказался сведущ и исполнителен.

Заметил ли Потемкин благосклонность императрицы? Понял ли, что в один миг могла измениться его судьба? И совсем не потому, что он преуспел в древних языках и в познании церковной истории, а совсем по другим причинам?

Заметил. И понял. Потемкин уже знал тайну женщины. Не знал, как не узнал ее, эту тайну, во всю свою жизнь, а познал. Познал тайну соития с женщиной. Тайну обладания ее телом.

Познал власть вождения, вызываемого срыванием одежд с ее тела, которое нельзя постичь ни с первого раза, ни после многократного его изучения – жадными глазами, торопливыми руками, всем своим телом в бездумном соитии, – а потом умом, который возвращается после соития из провала в бездну хаоса, где ни он, ум, властвует над телом, а торжествует оно, тело, торжествует своим телесным торжеством, не обращая внимания на ум, теряющий власть и способность соображать и руководить телом, исчезающий непонятно куда, когда обладание женским телом вдруг исторгает человека из условностей этого мира, прерывает время и ввергает его, человека, в кипящий хаос, откуда он, человек, был когда-то извлечен и куда ему суждено однажды провалиться навсегда и безвозвратно.

Хаос соития заканчивался возвращением в этот мир. И ум опять овладевал телом, обессиленным телом женщины. И возникало то чувство, которое он испытывал, вглядываясь в мерцание бездонного ночного неба, или когда в памяти всплывал темнеющий дверной проем той баньки, где его родила мать, или когда он видел человека – ребенка или старика – бессмысленно, с отсутствующим пустым взглядом жующего пищу.

Какая сила только что проделала со мной все это, и как она, эта сила, всемогуща, и как легко она подчинила меня – и подчинит опять, стоит лишь повернуть голову на звук ровного дыхания, увидеть ту белизну женского тела, сводящего с ума, ту раздвоенность груди, тот темнеющий низ живота... Эта сила в женщине? В подчиненном, безотказном, послушном, подвластном мне ее теле, сводящем меня с ума и ввергающем в пропасть не этого, а иного мира, который не есть бытие и не есть небытие, а некая граница между ними, где вождение, жажда обладания, ускользающая сладость соседствует с ужасом и страхом спасительного беспомощства?

10. За что?

– За что сия награда?

– Она невольный сердца знак.

Анонимная пьеса XVIII века.

Да, он знал тайну соития. Знал, что она есть, эта тайна могущества и всевластия женского, бесконечно непознаваемого, как глубина небес, тела.

Он знал больше. Он знал, что женщины – все разные – одинаково наделены этой тайной, этой силой и, обладая ею, сами подчинены этой никем не преодолеваемой силе. И босоногая быстроглазая крестьянская девка, и с виду строгая монахиня, и восседающая в сияющем зале на золотом троне императрица подвластны и покорны этой желанной силе.

Сила эта, скрытая в темных, неведомых уголках души и тела, может заставить сделать невозможное, немислимое, губительное, неподдающееся потом осмыслению никаким – ни высоким, ни низким – умом мужчины. И равно так же она неподвластна уму женщины.

В отличие от своих сверстников, соучеников по университетским учебным классам, Потемкин был наделен не просто способностями к усвоению знаний. Он – по природным своим задаткам, или по дару свыше – обладал умом, способным постигать главное, видеть суть. Таков ум мудрецов и гениев. Потемкин не был ни гением, ни мудрецом, он стал бы мудрецом, если бы все-таки ушел в монахи, заперся в келье.

Но желание превзойти всех, жажда первенства, блеска, жажда славы и празднично-торжествующего величия удержала его от монастыря и рубища отшельника или власяницы подвижника. И ум, обнажающий суть вещей, как соблазнитель готовую отдался женщине, достался будущему славолюбцу, витающему в мечтах о заоблачных высотах.

Восемнадцатилетний Потемкин, попавший в тронный зал Зимнего дворца, мог понять то, что многим из его сверстников, вместе с ним представленным императрице, не дано было понять за всю их жизнь. Пристальный взгляд на мир – взгляд, которым он с пятилетнего возраста смотрел вокруг себя, всегда замечая главное и определяя причину и суть, пронизательный, неглубокий и оттого еще более действенный ум, опыт, небогатый, но все-таки уже имевшийся, жадно поглощаемая книжная премудрость и чуткий слух, улавливающий не для всех ушей вполголоса сказанное слово, давали ему такую возможность.

Он увидел на троне не монархиню, а женщину. Владетельную государыню, подвластную той самой силе, которой не способны противостоять ни мужчина, ни женщина. Силе, исходящей из вечного желания непреодолимого соития и воспоминание о нем, даже скрытое напоминание, даже безмолвный намек на понимание его возможности, мелькнувшее во взгляде знание, что это соитие существует как таковое, и в нем единственно смысл бытия в этом, во всем остальном обманном и бесполезном, мире, способно вызвать безмерную благодарность женщины.

Только за один его взгляд, по которому императрица уловила, что он понял, что она – женщина, Елизавета одарила его таким же невольно ласковым взглядом. Тут же по женски благодарно присовокупив к этому скрыто нежному взгляду чин капрала. Записанный в Конную гвардию рядовым, Потемкин знал, что в мирное время иные рядовые до капральства служат лет пять. Он же в одно мгновение перемахнул через две ступеньки служебной лестницы.

За что? За какой подвиг, за какие заслуги, за какое отличие?

Потемкин в свои восемнадцать лет знал, за что.

Он знал, что монахиня, которую он впервые познал как женщину, пожаловала бы ему любой чин – и капрала и фельдмаршала, имей она такую возможность. Как императрица и

пожаловала фельдмаршалом простого казака Разумовского, ни разу в жизни не побывавшего на поле боя.

И не только фельдмаршалом – именами и богатством неслыханным, как и его родного брата – чинами и гетманством, верховной властью над Украиной, обширностью земель, не уступающей знатнейшим европейским державам. За что пожаловала? Потемкин знал, за что.

А за что отец императрицы Елизаветы пожаловал императорской короной ее мать, Екатерину I, через все ступеньки сословий, званий титулов и чинов? Пленная девка подлого сословия, взятая из-под солдатской телеги, была возведена силой, исходящей из тайны плотского соития, на престол великой империи на глазах у ошеломленного царского двора. И все знали, за что.

За то же самое, за что сама императрица Екатерина I возвела – не на трон, им она еще не могла распоряжаться по своему хотению, а в свой будуар, ласкающего взгляд нежной красотой лицо камергера Вильяма Монса, отличного от прочих изящными манерами и стройной фигурой. Что заставило их обоих забыть страх, пренебречь поистине смертельной опасностью, ведь оба знали беспощадный, кроваво-бешеный нрав жившего еще Петра? И Монс заплатился жизнью. За что?

За то же самое, за что бешеный Петр, казнив Монса, не казнил Екатерину, а только свозил ее посмотреть на отрубленную голову красавца камергера, и провел ее так близко к эшафоту, что платье императрицы коснулось окровавленных досок помоста, наскоро сооруженного для безжалостного назидательного действия.

А не будь Петра, сойди он по невесть каким причинам в могилу, Монс стал бы первой персоной в государстве. За что?

За то же, за что Бирон, безродный нищий студент, изгнанный за неспособность к наукам из университета, стал регентом при наследнике великой империи Российской и ее полновластным хозяином.

За то, за что теперь, при дочери Петра, брата Шуваловы, устроив в спальню императрицы своего двоюродного брата красавца, на досуге интересующегося науками, владели всей страной и обирали ее как хотели.

Тайная власть соития, сильнее страха смерти, боязни греха, ломала веками укорененные обычаи, отменяла писанные и неписанные законы. Почему? Ведь не так уж она сладка. Но вождь-ленна. А почему – на этот вопрос уже никто не знает ответа.

Монахиня, через которую Потемкин познал женское тело, за ночь, наполненную сдерживаемыми стонами, за разрешение томления плоти, жертвовала спасением души, и благодатью райской вечной жизни. Тайная сила соития была сильнее.

Мой виноградник у меня при себе...

Моего собственного виноградника я не стерегла...

Монахиня стерегла, но не устерегла.

Потемкин знал силу естества, не единожды испытал эту силу – и властвуя над овладевающей своей жертвой женской плотью и подчиняясь силе своей плоти. Знал и понимал, как всемогуща даже случайная, легкая тень этой силы – что и подтверждал его капральский чин.

Так что все Потемкин заметил, все понял. В свои восемнадцать лет он уже все знал и понимал. Но воспользоваться случаем ему не представилось.

Во-первых, некому было поруководить сообразительным и способным юношей, сам по себе он все-таки еще молод и неопытен. А во-вторых, спустя несколько дней студентов показали при малом дворе, где Потемкин увидел великую княгиню Екатерину Алексеевну и надолго лишился способности строить планы и трезво мыслить, а частично утратил и память, и чувство времени.

11. Она, она!

*Гром и молния!
Боевой клич самнитских воинов.*

*Как будто громом поражен.
А. С. Пушкин.*

Прием при малом дворе был не таким торжественным и официальным, как при большом. Великий князь и наследник престола Петр Федорович студентами не заинтересовался. Зато великая княгиня с радостью уделила им много внимания.

Екатерине Алексеевне скоро исполнялось тридцать лет. Она давно уже оправилась от первых родов и душевных и физических потрясений. Поляк Станислав Понятовский с европейски изысканными манерами украсил ее жестоко и несуразно начавшуюся жизнь в России. И это устроенное своими руками женское счастье вселило в нее надежду на будущее. Она расцвела, блистая умом и зрелой красотой, рядом с уродом мужем.

Великую княгиню занимала свободная беседа со студентами. Она с интересом слушала их речи, не упуская случая показать и свои познания. Питомцы только что устроенного храма наук почувствовали себя с ней на одной ноге и весело болтали, забыв условности придворного этикета. Один только Потемкин не вымолвил ни слова.

Живые синие глаза великой княгини, ее длинные черные ресницы околдовали впечатлительного потомка гордых самнитов, до того втайне ставившего себя выше всех, с кем его сводила судьба. Его пленили грациозные движения великой княгини. Жесты ее маленьких красивых рук завораживали и лишали дара речи. И в то же самое время так много говорили, словно намекая на то, о чем не говорят словами. В каждом ее жесте мелькало что-то неизъяснимо женское, ускользающее и обещающее, словно говорящее «Знаешь? Хочешь? Можешь? Догони!»

Потемкин знал, что такое женщина. Он знал, что такое женское тело, томящееся, влекущее, ждущее прикосновения, податливое и поглощающее. Но он не знал, что такое любовь. Игривая, дразнящая, грациозная и опасная, как красивый выпад шпаги искусного фехтовальщика.

Женское тело было для него неизъяснимой, даже страшной бездной. И в то же время чем-то подвластным, покорно зависимым, изведанным, хотя и не окончательно.

Великая княгиня ошеломила его, он растерялся и утратил всякую способность рассуждать. Вернувшись в Москву, Потемкин перестал ходить на занятия, дни и ночи читал и перечитывал книги, словно лихорадочно отыскивая в них ответ на вопрос, который не мог даже сам себе задать.

Он утратил чувство времени и очнулся только тогда, когда прочел в «Московских ведомостях» свою фамилию в списке студентов, исключенных из университета за нехождение в классы.

Дядя, президент Камер-коллегии Кисловский, который мог бы заступиться за племянника, уже несколько лет, как умер. Мать требовала, чтобы Гриц повинулся перед начальством, поклонился в ноги, испросил прощения и закончил курс обучения, а там, смотришь, и получил бы какую-никакую должность, женился да наживал бы детушек, как все добрые люди, при своих-то деревеньках.

Ему, витавшему мыслями в заоблачных высотах, повиниться? Ему, с высот своих самнитских предков, родством стоявших выше царей московских, спуститься до поклона университетским чиновникам? И прозябать в какой-нибудь должности, выкраивая сотню душ из жалких деревенок, которые достанутся ему в наследство по разделу с сестрами?

Да он уже капрал Конногвардейского полка! Пожалованный через два чина сверх старшинства самой императрицей! За что пожалованный? За один только его не рабский взгляд, который она уловила женским чувством, она, женщина на троне, по бабьи готовая прилепиться к мужской силе, удерживающей и сокрушающей троны.

Служба в конной гвардии требовала немалых денег. Капральское жалованье не так уж велико, а фельдмаршальское далеко. До фельдмаршальских чинов без сильных покровителей не дослужиться. Нет уж, лучше своим домком да при своих деревеньках...

Переубедить мать Гриц не смог. Зато епископ Амвросий, его духовник, поддержал и даже одолжил пятьсот рублей на обустройство в военной службе. Сам почти с детских лет сирота, воспитанник дяди, старца Киево-Печорской лавры, Амвросий начал свой путь простым монахом, дорос до епископа, а перед этим служил архиепископом Новоиерусалимского монастыря, стены его хранили память о патриархе Никоне, вознесшимся с крестьянского подворья в царские палаты, и выше царей себя возомнившим.

Амвросий отговорил Потемкина от монашества – не с его непомерным честолюбием надевать рясу. Самомнение и необузданность духа, гордость и жажда власти пусть буйствуют на свободе, в миру.

Потемкин порывался одним разом покончить с одолевшими его страстями – уйти в монастырь. Но Амвросий прав. С самнитским гордым нравом в монастыре придется не легче. К тому же Потемкин не рассказал Амвросию главного.

Там, в Петербурге не только капральство в Конногвардейском полку, первая ступенька, ведущая наверх, к славе... Там, в Петербурге – она... Ее синие глаза, ее насмешливый игривый взгляд, ее манящие жесты изящных красивых рук...

12. Накануне переворота

Тайны мадридского двора.

Г. Борн.

Служба в Конногвардейском полку не давала капралу прямого доступа ко двору. Но в Петербурге Потемкин жил событиями, разворачивавшимися при дворе, а они имели прямое отношение к великой княгине Екатерине Алексеевне. О ней он не забывал ни днем, ни ночью.

Продолжалась война с Пруссией. Прусский король Фридрих II, потерпев несколько поражений, был на краю гибели. С императрицей Елизаветой Петровной раз за разом случались обмороки. После одного из них ее уже сочли мертвой. Императрица выжила, но все, кого касались дела государственные, понимали, что долго ей не протянуть.

И тогда на троне окажется наследник – великий князь Петр III Федорович, поклонник прусского короля, войну с которым Елизавета Петровна хотела во что бы то ни стало довести до победного конца.

Такие перемены грозили отставкой вечному противнику Фридриха II канцлеру Бестужеву-Рюмину. Он старался заполучить в союзники великую княгиню Екатерину Алексеевну. Сама она не знала, в какую сторону метнуться. Екатерина считала себя обязанной прусскому королю, содействовавшему ее браку.

Этот брак сделал ее из нищей, никому не известной принцессы захолустного немецкого безземельного княжества великой княгиней, она надеялась стать императрицей великой империи, для этой империи она уже родила наследника престола – сына Павла Петровича, отнятого у нее императрицей Елизаветой. Екатерина давно решила – или погибнуть, или царствовать. Ее муж, великий князь Петр III Федорович, имел намерение отказаться от сына, он не считал его своим, а от жены избавиться, заключив ее в монастырь.

Что касается императрицы Елизаветы, то она собиралась выслать из России и неудавшегося умом онемеченного племянника – великого князя Петра III, и его чересчур умную, восплававшую любовью к России жену – великую княгиню Екатерину. А наследником престола объявить своего малолетнего внука Павла Петровича, так или иначе считавшегося праправнуком Петра Великого, что обеспечивало ему безусловные права на трон и во мнении дворянства, и в глазах простого народа, давно забывшего ужасы петровского правления и возвеличившего в памяти победы и триумфы прославленного царя.

При всех этих обстоятельствах нужно не забывать, что в каземате Шлиссельбургской крепости содержится узник, с младенческих лет находящийся под неусыпной стражей, Иоанн VI Антонович, провозглашенный много лет тому назад императором, наследник престола по линии царя Иоанна V, сводного брата и соправителя Петра I, племянник императрицы Анны Иоанновны, волею случая когда-то оттеснившей от трона потомков Петра Великого, прижитых со взятой из-под солдатской телеги Мартой Скавронской – Екатериной I.

Узника содержали в крепости тайно, никто, даже фельдмаршал, не мог быть к нему допущен. А три охранника, находившиеся при нем неотступно, имели предписание немедленно его умертвить «буде кто отважится арестанта сего отнять». Предписание это определил стражникам один из братьев Шуваловых, тот самый, который заведовал Тайной канцелярией и в случае необходимости прятал по тюрьмам и казематам тех, кто совал нос куда не следует, или зазевался, по неосторожности оказавшись недалеко от царского престола.

Шлиссельбургский узник при случае стал бы важной картой в придворной игре, а она вот-вот должна начаться, поэтому-то его и стерегли пуще глаза.

Хитроумный канцлер Бестужев-Рюмин строил планы и сочинял манифесты об объявлении великой княгини Екатерины Алексеевны соправительницей своего мужа. Он надеялся

возглавить при ней все гвардейские полки и коллегии, ведающие как иностранными, так и всеми прочими делами, включая торговлю солью. Ведь она приносит прибыль несмотря ни на что, в любую пору года, и в мирное, и в военное время, и когда страна сыта и закрома ломятся от хлеба, и даже когда чума, мор и голод косят людей, не щадя никого, ни сирых и бедных, коим лучшая жизнь уготована только на небесах, ни знатных и богатых – они хорошо пожили на земле и поэтому им очень трудно попасть в царство небесное, почти так же, как верблюду прошмыгнуть сквозь игольное ушко.

Когда-то Бестужев-Рюмин изо всех сил противился приезду Екатерины в Россию, потому что готовил другую кандидатку в жены великому князю. Теперь же он рад заключить с ней союз. Бестужев-Рюмин во время болезни императрицы Елизаветы поторопился вызвать на подмогу войска из Пруссии. Это стоило жизни его старому другу фельдмаршалу Апраксину, доверившемуся канцлеру, и чуть не погубило великую княгиню. Самого же канцлера отстранили от дел и сослали в дальние имения; слава Богу, все тайные свои бумаги он успел сжечь и врагам не удалось изобличить его преступные деяния.

Императрица Елизавета все-таки умерла. Великий князь Петр III Федорович стал императором. Великая княгиня Екатерина Алексеевна – императрицей.

13. За и против

*Pro et contra.
За и против.*

Латинское выражение.

Все, что происходило при дворе, шепотом и вслух обсуждали и в Конногвардейском полку. Потемкин понимал, что назревает борьба за трон, Петр III на нем не удержится. Рано или поздно она – Екатерина – займет его одна.

В Конногвардейском полку служил дальний родственник Потемкина Бобарькин. Он учился с Потемкиным еще в университете. Бобарькин рассказал Потемкину, что один из друзей, гвардеец Преображенского полка, уговаривал его примкнуть к заговору в пользу жены императора Петра III – Екатерины II.

Умный и рассудительный Бобарькин отказался. Участие в заговоре в случае успеха сулило чины и звания. У всех в памяти как двадцать лет назад возвысились Воронцовы и Шуваловы всего за одну ночь, когда последовали за Елизаветой и возвели ее на трон.

Но Елизавета имела права на этот трон как дочь Петра Великого. И с престола она свергла младенца, объявленного императором непонятно по какому праву, сына приبلудного немца, мужа всего лишь племянницы императрицы Анны Иоанновны, оставившей власть своему любовнику, ненавидимому всеми немцу Бирону, потом отстраненному и сосланному фельдмаршалом Минихом по просьбе родителей малолетнего императора, которые следом за Бироном удалили от двора и самого Миниха.

Во всей этой путанице и чехарде царевна Елизавета, дочь Петра, выглядела как единственно законная наследница отцовского престола. Потому и удался заговор, не заговор даже, а восстановление справедливости и понятного всем и всеми признаваемого порядка.

Совсем другое дело сейчас. Свергнуть с престола хотят законного императора, внука Петра Великого, племянника императрицы, которая сама определила ему престол. И кто добивается трона – заезжая немка, никаких прав на него не имеющая. На стороне Петра III не только законность престолонаследия, но и армия, и славный победитель прусского воинства Румянцев, назначенный уже императором Петром III командовать полками, готовыми выступить в поход против Дании.

Правда, Румянцев с войсками в Гданьске, но в случае, если начнется борьба за престол, Петр III вызовет его в столицу и кто сможет противостоять силе, только что сокрушившей Пруссию с ее великим королем-полководцем. А король Пруссии Фридрих II, опять же, на стороне императора Петра III, с ним он уже успел заключить союз.

И потом, кто затеял заговор? Во главе заговорщиков буян и безудержный гуляка Гришка Орлов со своими братьями. Первый в драках и в пьянках, он увел любовницу, княгиню Куракину, у своего командира, фельдмаршала Шувалова, при котором состоит в адъютантах.

Старика Шувалова княгиня Куракина ублажала женскими прелестями в надежде облегчить участь своего отца – фельдмаршала Апраксина, находившегося под следствием за то, что он по совету своего друга, канцлера Бестужева-Рюмина, отвел вверенные ему войска из Пруссии.

А Орлову она не отказывала из женского интереса. Весь Преображенский полк знал о похабных геройствах Гришки Орлова – он на ведро водки спорил в кабаке, что во всем полку никто не сравнится с ним мужским «предметом» – разве только Разумовский, ну да тот уже

состарился да и не состоит в числе преображенцев, Разумовский не в счет, он старого века человек, тогда люди были, не в пример нынешним людишкам, крепче.

И императрица, блудливая немка, наслышанная о мужских достоинствах Орлова, бегала к нему и нагуляла выблядка, тайно родила и спрятала подальше от двора. А до Гришки Орлова сколько у нее перебивало в постели – красавец Серж Салтыков, и Андрей Чернышов, и даже Кирилл Разумовский прельстился доступной забавой, и поляк Понятовский, а теперь вот и Орлов, а тот, говорят, дает попользоваться и своему брату, Алексею. И ее, не знающую стыда – возвести на трон мимо законного императора?

Заговоры не всегда заканчиваются счастливо. Да, Воронцов и Шувалов, став на запятки возка дочери Петра, прокатились с ней до казарм Преображенского полка и въехали ко двору императрицы Елизаветы Петровны. А ведь это катание могло закончиться и по другому – и на каторге в Сибири, а то и на эшафоте.

Точно так же когда-то многие из стрельцов, не подумав о последствиях, поспешили за царевной Софьей. И очутились на лобном месте. Царь Петр сам рубил им горячие головы, кровь, говорят, ручьями текла по московским улицам.

И те из придворных и вельмож, которые имели вес и силу при императрице Елизавете, тоже на стороне законного императора. В том числе и Воронцов, занявший после Бестужева-Рюмина место канцлера. Его племянница – фаворитка Петра III. Император намерен развестись с Екатериной, отречься от сына, он ведь, возможно, и не от него рожден, а от преступной связи с Сержем Салтыковым, – об этом многие говорят – а потом обвенчается с Воронцовой.

И тогда канцлер Воронцов – первый человек в государстве. И Шуваловы уже согласны уступить ему первое место, чтобы сохранить второе. А он не оттолкнет их, как-никак вместе ехали на запятках возка Елизаветы Петровны в Преображенские казармы...

Так что все силы на стороне законного императора Петра III и у заговорщиков нет никаких шансов. Поэтому уж лучше держаться в сторонке от заговоров, не прельщаясь ни скорыми чинами, ни придворными званиями. По крайней мере человек осторожный и дальновидный трижды подумает, прежде чем ввязаться в такое сомнительное дело.

А тем более подальше от этой смуты нужно быть Григорию Потемкину. Не обделенному чинами – он уже вахмистр, командир роты. И мало того, как свободно владеющий немецким языком, он назначен ординарцем шефа Конногвардейского полка принца Георга Гольштинского, дяди самого императора. Перед ним открыта завидная карьера...

Георг Голштинский уже объявлен главнокомандующим всеми войсками и его ординарец повыше некоторых генералов...

14. Государственный переворот

Звездный час.

Стефан Цвейг.

Рано утром был сбор войскам и били в барабаны. Гвардия сбегалась в мундирах старой формы к Казанскому собору.

В. В. Андреев.

Но Потемкин уговорил Бобарыкина свести его с заговорщиками. И через некоторое время вместе с ротмистром Хитрово настроил Конногвардейцев принять участие в готовившемся перевороте.

Государственный переворот – это нарушение присяги, это государственное преступление. На него можно решиться, хладнокровно преступив закон, в расчете на выгоды, или жертвуя собой ради фанатично исповедуемой идеи, или до одури напившись дармового вина в пьяной орущей толпе. Или просто по глупости.

Потемкин бросился в это рискованное и безнадежное предприятие не раздумывая и ни на что не надеясь, не по расчету, не с пьяного разгула, а потому что был влюблен. Потому что не видел смысла существования без нее – без Екатерины.

За эти несколько лет он так и не оправился от потрясения, которое испытал, увидев ее впервые. Весь мир для него теперь заключался в ней. И, конечно же, она должна царствовать. Царствовать, блистать и сиять на троне, править государством, властвовать над миром, так, как она властвовала над его сердцем, душой и разумом, даже не зная, не догадываясь об этом.

Он был влюблен до умопомрачения. Слухи и рассказы о ее распутстве никак не отвращали его от Екатерины. И не порочили ее. Наоборот, влекли, притягивали с еще большей силой.

Да, возможно, она не от мужа родила наследника престола – от Сержа Салтыкова или от Захара Чернышева – какое это имеет значение? Понятовский, Гришка Орлов, Алексей Орлов... Разве не того же хочет он, Потемкин, разве не от того же он, как замороженный, заколдованный, готов идти за ней куда угодно? Можно ли остановиться, когда уже сорвал с женского тела одежды? Пусть даже не руками, а только глазами... Точно так же ему не остановиться, когда он думает о ней, вспоминает ее синие глаза, ее легкий жест рукой...

И вот это началось. Потемкин весь день метался, не помня себя. Сначала, разгоряченные вином и призывами бить немцев, конногвардейцы забрали из дома командира полка свои знамена, а самого перепуганного принца Георга Гольштинского, слегка помяв, посадили под караул. Стоило немалых усилий удержать их, чтобы они не прикончили известного грубым обхождением с подчиненными полковника.

Потом эту пьяную ораву нужно было привести к Казанскому собору, где все приветствовали императрицу, вместе с наследником Павлом, уже объявленную самодержицей.

Екатерина выехала к войскам на белом скакуне. Потемкина охватил восторг, он вместе со всеми орал во всю глотку, потрясал оружием, а когда она, выхватив шпагу и увидев, что клинок без темляка, растерялась.

Потемкин бросился к ней и привязал к эфесу ее шпаги свой темляк. Отсутствие темляка считалось дурной приметой перед боем.

Екатерина одарила расторопного конногвардейца многообещающим взглядом и, взмахнув шпагой, двинула свое воинство вперед – на Петергоф, где находился низложенный император, еще не подозревавший о своем низложении.

Узнала ли Екатерина в конногвардейце, повязавшем на ее шпагу темляк, смущенного студента, когда-то представленного к малому двору? Конечно же нет, она и тогда не заметила его, молчаливого и растерявшегося в шумной и веселой беседе. Поэтому и не узнала и теперь. Но зато теперь запомнила, и уже больше никогда не забывала.

Гвардейцы, еще в казармах сорвавшие новые прусские мундиры, в которые их нарядил несообразительный император, и облачившиеся в припрятанные старые, елизаветинские, то есть еще петровские, легендарные зеленые – русские мундиры славных времен – нестройными колоннами отправились в поход, чтобы завершить успешно начатое дело. Все были пьяны, а Потемкин, не выпивший ни капли хмельного вина, казался пьянее всех.

Он отрезвел лишь на краткое мгновение, когда наступила пора убивать взятого под арест императора.

Весь карнавал переворота остается только карнавалом и больше ничем, пока надежно не отстранен от власти тот, кто обладал ею до переворота. Навсегда заточен в каземат, выслан за границу государства или зарыт в землю.

Из каземата узника можно освободить, из-за границы он вернется сам во главе наемных армий. Поэтому надежнее всего закапать его поглубже в землю. А для этого сначала нужно убить. Лишить жизни, дарованной ему неизвестно как и кем и отмеченной одной из звездочек, зажигающейся на ночном небосводе по звуку, раздававшемуся в какой-нибудь заброшенной, вросшей в землю баньке.

Пятеро гвардейцев Преображенского полка и один конногвардеец Потемкин должны были лишить жизни императора Петра III Федоровича и завершить переворот.

Это мог учинить Григорий Орлов, бесшабашный, отчаянный, способный под горячую руку на все. На это был способен Алексей Орлов – коварный, низменно-корыстный и расчетливый. Это могли сделать Пассек, Бястинский или Шванвич – бездумные буяны огромной физической силы, даже трезвые без стыда и совести, а пьяные, подобные зверю, идущему на запах крови.

И это не мог сделать Потемкин, однажды и навсегда очарованный музыкой мигающих в ночной глубине неба звездочек и носящий в глубине души затаенный трепет и ужас неразгаданности жизни и смерти, связанных тонкой нитью, ее так легко порвать какому-нибудь Орлову или Шванвичу, но она неприкосновенна для Потемкина.

Поняв, что сейчас произойдет убийство, явится в своем слепящем глаза и ум наряде смерть, Потемкин мгновенно протрезвел.

И увидел рваную рану на распухшей шее свергнутого императора, жалкое, хилое, скрюченное тело, запрокинутую голову и оскал раскрытого, как будто смеющегося, рта несчастного, нелепого немчуренка, волею судеб заброшенного в Россию, где пьяный безудержный гвардеец не помнит ни чина, ни титула, и не знает ни умысла, ни смысла.

15. Любовь покоряет сердце

Любовь и голод правят миром.

И. Ф. Шиллер.

Забота юности – любовь.

А. С. Пушкин.

Эту страшную, навсегда запавшую в душу и в память картинку Потемкин увидел словно издали, со стороны. А дальше опять все понеслось сном-наваждением и мысли о ней, Екатерине, пьянили беспробудно, и реальный мир расплывался миражами, плясал фантасмагорическими тенями и не имел никакого значения.

«Как скоро я тебя увидел, я мыслю только о тебе одной! Твои прекрасные глаза меня пленили, и я трепещу от желания сказать о своей любви! Любовь покоряет сердце и вместе с цветами заковывает его цепями. О Боже! Какая мука любить ту, которой я не смею об этом сказать! Ту, которая не может стать моей! Жестокое небо! Зачем ты создало ее такой прекрасной?! Зачем ты создало ее такой великой?! Зачем, о небо, ты создало меня, обреченного ее любить! Одну ее, навеки! Ее священное имя никогда не сойдет с моих уст! Ее прелестный образ никогда не исчезнет из моего сердца!»

Потемкин и раньше сочинял стихи, больше из желания показать, что и это он умеет, соученикам по университету – Рубану, Петрову, Кострову, избравшим поэтическую стезю и обхаживавшим жеребца с двумя крылами, норовистого Пегаса, которого иной раз, как не погонай, как не прикармливай, не загнать на вершину Парнаса, где вдали от житейской суеты и забот, в окружении нежных муз обитают восторженные пииты. На этот раз строчки, невзирая на правила стихосложения, сами легли на бумагу и, не умолкая, звучали в душе.

Да, переворот удался. Все окончилось не совсем так, как виделось его осторожному сородичу Бобарыкину. И даже совсем не так.

Пусть себе Петр III Федорович и внук Петра Великого, и законно унаследовал престол после своей тетки Эльзы, в русском народе известной под именем императрицы Елизаветы. Сам-то племянник оказался не умен и недалевиден. А уж как неосторожен! И просто болтлив. А его неосмотрительность и беспечность переходила в глупость веселой ночной прогулки по краю пропасти.

Да, армия под командованием Румянцева, расположившаяся в Гданьске, за сотни верст от столицы, была на стороне Петра III, и Воронцовы, поверившие, что им улыбнулся случай прибрать к рукам страну – тоже.

Но гвардия – не только собутыльники беспутного Гришки Орлова – вся гвардия, переодетая в нелепые мундиры прусского образца, таила недовольство. И за бесчестье перед разгромленной Пруссией, за оплеванную и перечеркнутую победу, за позорный союз с побитыми немцами. И за то, что, как стадо баранов, ее, гвардию, вот-вот погонят воевать с Данией, чтобы не оставлять ненадежные войска в Петербурге.

И народ, который никогда не спрашивают, с которым никогда не считаются, но глухой ропот которого кое-что все-таки значит, тоже возненавидел императора, нарядившегося в чужой, прусский мундир. По слухам, он собирался обрить попам бороды и запретить святые иконы, как это принято у безбожных немцев. Народ незаметен, когда сидит по своим конуркам и норам, и неопасен, как непотревоженный в берлоге медведь, когда этот народ, опустив голову, жует, бездумно двигая челюстями хлебушек, или ковыряется ложкой в миске с нещимной, то есть ничем не заправленной кашей.

А если он, этот глухой, слепой и безмолвный народ собирается толпою... Недовольной, угрюмой, таящей внутри своей толщи взрыв и дикое бесчинство, кроваво-пьяный безудержный разгул, сметающий все на своем пути, как раненый, безумный зверь... Тогда нужно считаться и с народом, не дай Бог, конечно, довести его до бессмысленного и беспощадного бунта...

А что касается вельмож, то кроме Воронцовых есть еще и Панин и Разумовские. Старший Разумовский не касался никаких дел, а брат его, гетман Украины и командир Измайловского гвардейского полка, как раз не против переворота. И Панину, воспитателю наследника престола великого князя, малолетнего Павла Петровича, тоже мешал император, не желавший признавать наследника престола, которого он, Панин, уже наставил на путь истинный. Правда оба они, Панин и Разумовский, намеревались возвести на престол Павла, а Екатерину объявить всего лишь регентшей при сыне, бесправной, безвластной и послушной.

Но взбалмошный Петр III не устраивал ни Панина, ни Разумовского. Оба преследовали далеко идущие цели – Разумовский подумывал о независимости Украины и наследственном гетманстве. А Панин, великий мастер провинциальной логики, уже готовил конституцию и набрасывал план верховного совета, устроенного наподобие парламента.

Так что шансы у заговорщиков были немалые.

И какой ни есть буян и бесшабашный гуляка Орлов, а за ним пьяная толпа гвардейцев – немалая сила, их всех больше десяти тысяч, тогда как у Петра III тысячи полторы преданных ему гольштинцев. А кроме того, с Орловым братья – один гигант Алексей Орлов, хитрый и коварный Алехан, немереной силы и безрассудной смелости и наглости, стоил в таком предприятии, как государственный переворот, целого полка.

Так что затея не была безнадежной.

Но более всего склоняла чашу весов в свою пользу сама Екатерина. Она жила мечтой о троне, она поставила на карту все, рискуя жизнью. Она вместе с актером Волковым расписала этот переворот по ролям, как пьесу на подмостках сцены. Она пообещала тем, кто согласился примкнуть к заговору – Орловым, Панину, Разумовскому, Дашковой, все, что они хотели. Она нашла деньги, тайно взяв кредиты у английских купцов и банкиров.

Ее жизнь висела на волоске. Вот Гудович, генерал-адъютант Петра III, сообщает ему о готовящемся дворцовом перевороте. Вот император отдает распоряжение арестовать ее, но потом отменяет свой приказ... Вот она узнает, что Петр III наградил свою любовницу Елизавету Воронцову орденом Святой Екатерины – этот орден полагался только членам императорской фамилии – значит, он решился узаконить положение своей любовницы. А следовательно, Екатерину ждет монастырь, а ее сына – клеймо незаконнорожденного...

Вот она тайно бежит из Петергофа, ее коляска въезжает в расположение Измайловского полка, мимо остолбеневших часовых, не успевающих остановить утомленных лошадей, вот уже барабанщики бьют тревогу и она окружена шумною толпою взбудораженных гвардейцев, они ведут почтенного старика – полкового священника – и тут же присягают ей и наследнику Павлу, а она, рыдая и воздевая к небу руки, как репетировала с актером Волковым, умоляет славных воинов спасти наследника престола – проклятые гольштинцы, нехристи-немцы, грозят убить его – и гвардейцы целуют ей руки и подол простого черного, дорожного платья, и со слезами на глазах клянутся отдать жизнь за наследника и за нее – русскую, православную императрицу, племянницу великой самодержицы Елизаветы Петровны, которой они когда-то вернули отцовский трон, отнятый подлыми нехристями немцами.

– Да здравствует наша матушка, императрица Екатерина! – восторженно кричит Орлов и сотни голосов подхватывают и повторяют:

– Да здравствует государыня Екатерина!

Вот она уже у Казанского собора, вокруг нее многоголосая тысячная толпа, здесь и Панин и Разумовский – и к их немалому удивлению ее провозглашают самодержавной государыней, а не регентшей, как они задумали.

Манифест о провозглашении Екатерины регентшей, составленный Паниным, почему-то не успели напечатать. Кирилл Разумовский, как президент Академии, ведавший типографией, за несколько дней до переворота приказал адъюнктам немцу Тауберту и Теплому посадить в подвале академии наборщика и печатника и проследить, чтобы манифест о восшествии на престол императора Павла Петровича и назначении при нем регентшею его матери Екатерины был напечатан без ошибок, а главное, тотчас после данного им сигнала.

Прямолинейный немец Тауберт пытался отказаться от участия в таком рискованном предприятии, ссылаясь на благоразумную заботу о безопасности своей головы. Но Разумовский пояснил ему, что после того, как Тауберт услышал о готовящемся манифесте, голова его пребывает в такой же опасности, как и голова самого президента академии, и уцелеть их головы могут только в случае успеха переворота.

Адъюнкт Теплов, давно служивший при Разумовском, вопросов не задавал. Дальновидный хохол не хуже Разумовского понимал значение манифеста в нужную минуту. Поэтому-то с панинским манифестом и получилась задержка, непредвиденная Паниным и Разумовским, но предусмотренная догадливой Екатериной.

Отсутствие манифеста не остановило начавшегося действия. Под звон колоколов, в окружении ликующего народа процессия двинулась к Зимнему дворцу. Во главе ее, в простой двухместной открытой коляске, по православному обычаю раскланиваясь направо и налево, ехала Екатерина, на подножке стоял Григорий Орлов.

Конногвардейцы гарцевали рядом. Толпа измайловцев и семеновцев двигалась следом, а запаздавшие преображенцы и армейские полки с криками «Ура!» присоединялись к шествию, запрудившему Невскую Перспективу, впереди всех шли бородатые священники в полном облачении с крестами в руках.

Измайловский и семеновский полки окружили Зимний дворец, заняли все выходы, а конногвардейцы – внутренние караулы.

Следом за Екатериной во дворец примчался в двухместной карете Панин. Он привез восьмилетнего великого князя Павла Петровича, перепуганного, в ночной рубашке, только что поднятого из постели, и Екатерина вынесла его на балкон и показала наследника престола восхищенному народу. Наследника – а не императора.

– Ура, матушка императрица Екатерина! – всколыхнулось людское море перед дворцом.

Матушка императрица, а не регентша, к чему и слово-то такое – регентша, нерусское, неправославное. Матушка государыня, царица, заступница – совсем другое дело.

Вот тут-то, наконец, и подоспел – и как раз вовремя – манифест, отпечатанный в подвале академии под надзором сообразительного Теплова и начинавшийся словами: «Божией милостью мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица! Всем прямым сынам Отечества российского...»

Божией милостью. Императрица и самодержица. Слова простые и понятные всякому, доходчивые и родные каждому русскому. И уже, конечно, не рукою Панина написанные...

И вот она – императрица, а великий князь Павел Петрович – наследник престола.

А потом поход на Петергоф, и шпага, к которой он, Потемкин, привязал свой темляк...

16. Куда идти безнадежно влюбленному?

Запретный плод вам подавай.

А. С. Пушкин.

Переворот удался. Опасный карнавал закончился фейерверком наград. Потемкин получил четыреста душ крестьян, десять тысяч червонцев и чины, офицерские и придворные, последовавшие один за другим – в короткий срок он, перепрыгивая через ступеньки служебной лестницы, стал поручиком гвардии и камергером, достиг четвертого класса Табели о рангах.

То, что его отец и дед выслужили веками, он получил за несколько дней, а за несколько лет поднялся на невысказанную, недоступную для них высоту.

Но разве ради этого он бросился в водоворот переворота? Нет, он добивался совсем другого.

«Как скоро я тебя увидел, я мыслю только о тебе одной! Твои прекрасные глаза меня пленили, и я трепещу от желания сказать о своей любви! Любовь покоряет сердце и вместе с цветами заковычивает его цепями. О Боже! Какая мука любить ту, которой я не смею об этом сказать! Ту, которая не может стать моей! Жестокое небо! Зачем ты создало ее такой прекрасной?! Зачем ты создало ее такой великой?! Зачем, о небо, ты создало меня, обреченного ее любить! Одну ее, навеки! Ее священное имя никогда не сойдет с моих уст! Ее прелестный образ никогда не исчезнет из моего сердца!»

Получив чины и звания, Потемкин не обрел утерянной головы, не излечил разбитого сердца. Оказавшись в ближнем кругу императрицы, он не нашел сил взять себя в руки. Ловил ее взгляды, улучив момент остаться наедине, падал на колени, целовал руки, путаясь в словах, объяснял свои чувства – Екатерина, казалось, с удовольствием принимала эти знаки безумной любви сумасшедшего влюбленного.

Но кроме игривой улыбки, не отвечала ничем. Весело смеялась, когда он подражал ее голосу, подолгу беседовала о церковных делах – она назначила его заместителем обер-прокурора Синода, ничуть не смутилась, когда он пытался вызвать ревность рассказами о планах свататься к влюбившейся в него фрейлине, графине Елизавете Разумовской, отец ее благоволил этому браку, мало того, императрица сама предлагала помочь свататься.

Когда, отчаявшись, он который раз собирался уйти в монастырь и надолго исчезал, Екатерина вспоминала о нем и возвращала ко двору... Но, обнадеженный вниманием, он опять оставался ни с чем. Конечно, он вел себя глупо, как это всегда происходит с влюбленными. Но что делать, любовь властвовала над его помыслами и сердцем сильнее разума и здравого расчета. Все это длилось почти семь лет. Семь лет – достаточное время, чтобы отрезветь даже от безумной любви.

Все эти годы он прожил как во сне. Как будто не замечая рядом со своей возлюбленной Григория Орлова. Как будто его и не существовало в этом мире рядом с ней. Как будто он не добивался венчания с императрицей. Как будто она не принадлежала ему все эти годы. Как будто он не жил все эти годы вместе с ней, в Зимнем дворце, в комнатах рядом с ее покоями.

Как будто он не приходил к ней каждую ночь в спальню и не делал с нею на широкой постели под балдахином то, что делает с женщиной мужчина, охваченный безумным стремлением проникнуть в ее плоть, сладостно терзая и ее и себя. Кто-кто, а Гришка Орлов умел это делать. Бабы млели от одного его взгляда. И она, императрица, как будто не такая баба, как все, и не так вожделеет ее плоть. И как будто она не рожала от него несколько раз.

Бывший канцлер Бестужев-Рюмин, возвращенный из ссылки, стараясь вернуть себе прежнюю роль при дворе, предлагал выдать Екатерину замуж за сидевшего в каземате Шлиссельбургской крепости, когда-то объявленного императором, Иоанна VI Антоновича. А потом

все же за Григория Орлова. Но сторонники Панина, державшего в руках наследника престола, великого князя Павла Петровича, оказались сильнее, и императрица осталась Екатериной II, так и не став госпожой Орловой.

Потемкин не вникал в борьбу партий, не участвовал в интригах, не выстраивал карьеру. Он не мог совладать с собою, он мгновенно терял голову и способность здраво размышлять, потому что:

«Как скоро я тебя увидел, я мыслю только о тебе одной! Твои прекрасные глаза меня пленили, и я трепещу от желания сказать о своей любви! Любовь покоряет сердце и вместе с цветами заковывает его цепями. О Боже! Какая мука любить ту, которой я не смею об этом сказать! Ту, которая не может стать моей! Жестокое небо! Зачем ты создало ее такой прекрасной?! Зачем ты создало ее такой великой?! Зачем, о небо, ты создало меня, обреченного ее любить! Одну ее, навеки! Ее священное имя никогда не сойдет с моих уст! Ее прелестный образ никогда не исчезнет из моего сердца!»

Ему оставалось только уйти в монастырь, но он знал, что и в монастыре ему долго не выдержать. И тут вдруг началась война.

Куда идти безнадежно влюбленному как не на войну? Туда, где льется кровь, где можно пасть, сраженным пулей иль булатом, и умереть с именем любимой на устах.

17. Кровь свою пролить

*Жил на свете рыцарь бедный.
А. С. Пушкин.*

Если возлюбленная столь жестокосердна, что не замечает страданий и мучений его бедного сердца, он пойдет навстречу смерти и сложит голову в бою, прославляя ее имя или... Или, если судьба благосклонно сохранит его среди огня картечных залпов и сабельных ударов, он вернется блистательным героем и положит к ее ногам славу своих подвигов, добытую пролитой кровью на полях сражений, и, может быть, тогда владычица его помыслов обратит внимание на того, кто рисковал жизнью ради одного ее взгляда.

Приняв такое решение, несчастный влюбленный должен проститься со своей дамой сердца, в глубине души еще не утратив тень надежды, что она в последний миг остановит его и не отпустит сложить буйную голову на поле брани. Как числящийся в придворном штате, Потемкин написал прошение отпустить его на войну. Этот официальный документ больше походил на пылкое объяснение в любви, последний крик отчаявшейся души.

«Всемиловейшая Государыня!

Определив жизнь мою только для службы Вашей, не щадил ее нимало, где был бы случай к прославлению Высочайшего Вашего имени. Нет для меня ничего драгоценнее жизни – и она Вашему Величеству не лицемерно посвящена велением души моей. Конец только оной окончит мою службу. Поставя сию службу себе прямым долгом, не мыслю ни о какой другой награде, кроме благосклонности Вашей, которую единственно себе наградою за усердие почитаю.

Но Высочайшая милость, которой я особенно взыскан, наполняет меня отменным к персоне Вашего Величества чувством признательности. По воле всевышнего обязан я служить Государыне и моей благодетельнице. И благодарность моя тогда только изъяснится в полной мере, когда мне для славы Вашего Величества удастся кровь свою пролить.

Сей случай представляется в настоящей войне, и я не могу остаться праздным. Ибо более всего затвердил в сердце своем правило: ревностная служба своей Государыне и пренебрежение жизнью своей есть лучший способ к получению успехов.

Прошу дозволить мне из придворной службы определиться к действующей армии. Вы изволите увидеть, что усердие мое к службе Вашей искупит недостатки моих способностей и Вы не будете иметь раскаяния в выборе Вашем».

Если бы императрица питала нежные чувства к подателю такого обращения, она, конечно же, не позволила бы ему отправиться под турецкие пули и объяснила бы, что не только «пренебрежение жизнью своей есть лучший способ к получению успехов», есть ведь и другие способы служить своей государыне, ей хорошо известные...

Но Екатерина не удержала странного поклонника, сгоравшего от страсти. И он, поменяв камергерский чин на генерал-майорский, принял под свое командование кавалерийский отряд.

Вместе с этим отрядом Потемкин участвовал в самых крупных сражениях с турками. Несколько раз под ним убивали лошадей, сам же он не получил ни одной раны. Война не излечила его от любви. Но освободила от сумасшествия любви. «Как скоро я тебя увидел, я мыслю только о тебе одной! Твои прекрасные глаза меня пленили, и я трепещу от желания сказать

о своей любви! Любовь покоряет сердце...» – эти слова по-прежнему звучали в его душе. Но теперь, вдали от Петербурга, он уже мог трезво осмысливать все происходящее в столице.

Как же смешон он был со своей любовью! «Твои прекрасные глаза меня пленили!» До любви ли, когда под тобою шатается трон!

Да, переворот удался! Но не потому, что Екатерина красиво прогарцевала перед пьяной толпой гвардейцев на горячем скакуне и помахала шпагой, на рукоять которой ему случилось привязать свой темляк.

Все это – мишура.

Переворот удался, потому что за этой мишурой стояли люди, обладавшие настоящей силой. От их ходов, движений – верных и неверных – зависел результат. И этот результат есть власть.

Екатерина увела желанный результат у них из-под носа, сама, может быть, не до конца это понимая. Хотя нет, она-то понимала... Это он, бросаясь перед нею в коридоре на колени и целуя руки, ничего не соображал... «Твои прекрасные глаза меня пленили...»

Теперь, вдали от столицы, Потемкин многое увидел другими глазами и многое – ой как много – понял!

18. Борьба партий

Pars, partis.

Партия (часть, группа), группа лиц, собранных с какой-либо целью; роль в драматическом спектакле; полная игра, с начала до конца.

Латинско-русский словарь.

Вот уже почти десять лет Екатерина на престоле. Да, она провозглашена императрицей и даже коронована. Да, ушли в могилу и Петр III (Петр Ульрих), и все, кто могли претендовать на трон – Иоанн VI Антонович, заколотый в своем каземате, и княжна Тараканова, называвшаяся дочерью императрицы Елизаветы и коварным обманом вывезенная из Италии Алеханом Орловым. Но очень многие рассчитывали получить власть в свои руки, заставив Екатерину плясать под свою дудку или вовсе сместив ее с уже насиженного ею трона.

Вошедшие в силу Орловы еще надеялись, что Екатерина все-таки выйдет замуж за Григория Орлова и ему достанется царская корона. Партия Орловых уже почти потеряла поддержку гвардии – графы Орловы жили во дворцах, владели тысячами душ крепостных и давно не пили в кабаках с рядовыми гвардейцами. А среди знати врагов у них куда больше, чем друзей. Орловы держались за счет разудалого Гришки. Пока он занимал спальню Екатерины, никто победить их не мог.

Но время шло. Гришка, по слухам, переспал со всеми фрейлинами и статс-дамами, а все никак не унимался, и все ему казалось мало. Поговаривали, что он не раз колотил ревновавшую его Екатерину.

Бабья доля известная, но все же она императрица... По бабьей участи полагается такое дело смиренно потерпеть, но государыне сносить буйство своего подданного не к лицу... Похоже, что Екатерина уже тяготилась Орловыми, забравшими в свои руки больно много власти и возмнившими, что они всемогущи...

Другая партия сложилась вокруг Паниных. Никита Панин, ведавший иностранными делами, и воспитатель подраставшего и уже совсем выросшего великого князя, наследника трона, имел достаточно силы, чтобы противостоять Орловым.

Их ненависть была взаимна. Орловы во время переворота под шум и крики ликующей толпы расстроили план Панина возвести великого князя Павла Петровича на престол. Панин преградил Гришке Орлову путь к царскому венцу.

Когда вопрос о браке императрицы с Орловым обсуждался на заседании Государственного Совета (само это обсуждение означало, что Екатерина уже дала согласие и остались пустые формальности), Панин поднялся с места и сказал:

– Императрица вольна делать что хочет, но госпожа Орлова не может быть русской императрицей.

Слова эти произвели впечатление на всех и вернули рассудительность Екатерине. Согласившись на брак с Орловым бабьим умом, тем самым бабьим местом, где он, «бабий ум», запрятан, она отрезвела умом монархини. Слова неумолимой логики, вспыхнувшие афоризмом, оказались сильнее самых, казалось бы, действенных доводов и альковных внушений. Дело отложилось.

Затянулось выяснение, Орловы сослались на пример Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского. Разумовский отказался подтвердить брак с императрицей, а бумаги с церковной записью сжег. Женитьба Орлова на Екатерине расстроилась, хотя он продолжал верить, что не все потеряно.

За спиной Панина стояли многие недовольные возвышением Орловых. В первую очередь – немцы, стесненные при императрице Елизавете Петровне и поднявшие голову при крат-

ком царствования Петра III – как все вполголоса говорили – убитого Орловыми, чтобы занять его место.

А кроме того, Панин опирался на масонов... Потемкин слышал о масонских ложах, но не принимал их всерьез. А масонство, конечно же, не такая уж и безобидная игра; говорят, Панин записал в ложу и наследника престола великого князя Павла Петровича... Игра, потеха царя Петра кончилась потешным войском, победившим стрельцов, им потом, наигравшись, рубили головы совсем не потехи ради...

За Паниным большая сила... Тогда, во время переворота, Екатерина по сути дела обвела его вокруг пальца... Второй раз такое не пройдет...

Турецкая война на руку Орловым. Гришка Орлов, после победы своего брата над турецким флотом в Чесменской бухте, выступил на заседании Государственного Совета с планом «константинопольского похода». Завоевание Стамбула-Константинополя вознесло бы Орловых на недостижимую высоту – как тогда Екатерине не сочетаться браком с прославленным героем, кто тогда оспорит первенство Орловых в государстве, у трона – и почему бы тогда Григорию Орлову не занять этот трон рядом с великой монархиней?

Но прежде еще нужно взять Стамбул-Константинополь. Путь к нему преграждают полчища турок и десяток крепостей. Возможно, все это и по силам русской армии под командованием Румянцева. Только станет ли Румянцев проливать кровь, свою и своих воинов, чтобы возвести на престол бесшабашного гвардейца Гришку Орлова, пусть себе и украшенного графским титулом, давно ли этот граф шатался по дешевым кабакам...

Таким образом, нужно понимать, есть и третья партия. Партия Румянцева. Румянцев последним из русских подданных принес присягу императрице Екатерине II Алексеевне. И это не случайно. Внебрачный сын царя Петра I, Румянцев, смирял себя и перед императрицей Елизаветой Петровной, и перед императором Петром III – он как-никак прямой внук Петра Великого, его, Румянцева, сводный племянник.

Но служить невесте откуда взявшейся заезжей блудливой бабенке и разгульным «аматерам» ее прелестей, ему, все-таки сыну царя, первому русскому полководцу, не пристало.

Родная сестра Румянцева, графиня Прасковья Брюс, которую он недолюбливал за тот же бабий блуд, ходила в лучших подругах у нынешней императрицы. Графиня Прасковья когда-то первая «освоила» Гришку Орлова, знала все секреты спальни императрицы и давно уже подумывала, что брат ничуть не меньше имеет права на престол, и тогда не нужно заискивать перед Екатериной, такой же бабой, как и она сама, и ничем не лучшей.

Зная тяжелый характер Румянцева, сестра понимала, что тот никогда не пойдет на переворот, а уж его бы поддержала вся доблестная армия, а не только пьяные гвардейцы. Но первое место при троне Румянцев мог бы занять. А это возможно, когда на престоле окажется законный наследник, правнук Петра Великого, великий князь Павел Петрович.

А пока на троне Екатерина, первым при ней будет Гришка Орлов, непобедимый в постельных баталиях.

Партия Румянцева, состоявшая из него самого да Прасковьи Брюс, как, впрочем, и из многих поклонников воинского таланта и славы знаменитого полководца, могла оказать очень сильное влияние на ход событий. Румянцев был настроен в пользу законного наследника престола – великого князя Павла Петровича, а это значит – склонялся к союзу с партией Панина.

Они-то и должны одолеть Орловых, они сильнее...

Но есть еще одна партия. Самая сильная, хотя такой и не кажется... Это партия Екатерины. Потемкин понимал это. И знал, что будет и еще одна партия, раз уж так, а не иначе устроен этот мир. Это партия Потемкина, в которой он в одном лице и командующий и армия.

Румянцев, обнаружив в своей армии неучтенного генерала из камергеров, Потемкина, сначала отнесся к нему пренебрежительно. И даже первое время обходил вниманием его боевые подвиги. Но заслуги Потемкина, не раз и не два отличавшегося со своей кавалерией в

самых тяжелых сражениях, заставили фельдмаршала изменить мнение и представить его к самым высоким наградам – орденам Святой Анны и Святого Георгия.

От Прасковьи Брюс он знал о чудаковатой любви Потемкина к императрице. Румянцев не хотел втягиваться в придворные интриги, но понимал, что удалить Орлова от трона можно, только вытеснив его из спальни императрицы.

Потемкин прекрасно подходил для такого маневра. Провести его могла сестра фельдмаршала, она в такого рода фланговых ударах, демаршах и рейдах по тылам была генералиссимусом, то есть чином выше своего знаменитого полководческим искусством брата.

Потемкин легко раскусил стратегию командующего, который раз за разом начал посылать его ко двору с реляциями о больших и малых победах, ссылаясь на его придворный опыт и связи.

Ну что ж, ему отвели роль пешки в этой шахматной партии. Он согласен. Пешка может стать и главной фигурой, пешка иной раз ставит мат и самому королю.

19. Разумовский

Разумовский, граф Кирилл Григорьевич, младший брат Алексея Григорьевича Разумовского, одного из «случайных» русских людей XVIII века, родился на хуторе Лемеша, где в детстве пас отцовский скот.
Д. Б-й.

Была и еще одна партия, разгромленная, не игравшая уже никакой роли, но для Потемкина очень важная, партия Разумовского, или, правильнее, Разумовских, а точнее – Натальи Кирилловны Разумовской, только что ставшей Загряжской, по уму избравшей себе в мужа дальнего родственника Потемкина, хотя по сердцу любила его самого, высокого и красивого, сладкого женскому взгляду.

Разумовские, сыновья казачки Разумихи с хутора Лемеша, из свинопасов вознеслись в царские чертоги по велению дочери Петра, Елизаветы. Она влюбилась в красавца певчего Алексея Разумовского, а став императрицей, тайно обвенчалась с ним.

Младшего брата фаворита, Кирилла, сначала отправили учиться в Швейцарию, а после того как он успешно овладел науками, назначили президентом Императорской Академии наук, а потом гетманом Украины, так как родной хутор Лемеша находился именно на Украине, или, как тогда говорили, в Малороссии.

Когда императрица Елизавета избрала себе нового фаворита – молодого Ивана Ивановича Шувалова, Алексея Разумовского не отставили от двора. И он, и его младший брат остались в числе первых и богатейших вельмож государства.

Еще до этого события императрица Елизавета женила младшего Разумовского на своей внучатой племяннице, одной из самых богатых невест того времени – Екатерине Ивановне Нарышкиной, внучке ближайшего сподвижника царя Петра I, ее дяди, Льва Нарышкина, в доме которого она и выросла сиротою.

Кирилл Разумовский, красавец хохол, не очень охотно связал себя семейными узами. Он был большим любителем женщин и пользовался вниманием с их стороны. Тем не менее Разумовский находил время и для жены – она родила ему шестерых сыновей и пятерых дочерей.

После смерти императрицы Елизаветы Петровны Кирилл Разумовский, как командир гвардейского Измайловского полка, принял участие в заговоре против Петра III и вместе с Паниным содействовал свержению императора, надеясь возвести на престол малолетнего наследника, великого князя Павла Петровича. Но на престол взошла Екатерина II. Она на словах благодарила Разумовского, а спустя два года отняла гетманство и запретила даже посещать свои украинские владения. Екатерина подозревала Разумовского в желании отделить Украину от России. После всех этих событий Разумовские полностью утратили свою силу и влияние.

Тем временем умерла жена Кирилла Разумовского. В один год с ней покинул этот мир и его старший брат Алексей.

Один из сыновей Кирилла Разумовского – Андрей – воспитывался вместе с наследником престола, великим князем Павлом Петровичем, обучался за границей, участвовал в Чесменском сражении, а после возвращения в столицу стал камер-юнкером малого двора, любовником нескольких петербургских красавиц и жены своего друга – великого князя Павла Петровича, великой княгини Натальи Алексеевны. Вместе они легкомысленно решили устроить государственный переворот, намереваясь устранить от власти императрицу Екатерину II, возвести на престол великокняжескую чету – Павла Петровича и Наталью Алексеевну, а потом, как некогда Екатерина II, лишить наивного Павла трона и провозгласить императрицей Наталью Алексеевну.

Великий князь, не подозревал о готовившейся ему участи и сам участвовал в заговоре, поддерживаемый своим воспитателем Паниным. Но эти неприятности обрушатся на голову Кирилла Разумовского несколько позже.

Дочь Разумовского, красавица Елизавета, фрейлина большого двора, влюбилась в Потемкина, а после его отъезда на войну сошлась с известным на весь Петербург развратником Петром Апраксиным. Наученная бесстыдным, но неотразимым донжуаном, Елизавета сбежала из дворца, где находилась как фрейлина императрицы, и тайно обвенчалась с ним, несмотря на то, что он уже был женат.

Сам Кирилл Григорьевич не чуждался амурных приключений. Высокий и красивый, он вволю потешил мужскую плоть – и за себя и за брата. Брату не позволяло погулять положение фаворита и тайного супруга не только ревниво-строгой, но и отличавшейся крутым нравом императрицы. Уж кто-кто, а она могла власть употребить, как и ее отец, в припадке бешеной ревности приказавший когда-то отрубить голову Вильяму Монсу, заподозрив его – правда весьма верно – в том, что тот нашкодил не в своих угодах.

А потом, когда императрица сама освободила Алексея от приятных обязанностей в своей спальне, заменив его молодым Шуваловым, брат утратил интерес к любовным утехам. Зато у Кирилла Григорьевича этот интерес не пропадал до последнего вздоха.

На амурном поприще он потрудился на славу, пустил на свет десятки незаконнорожденных отпрысков, полагая, что их будущее устроится само собой и они произрастут, не отягощенные родительской заботой, как вольная трава, не стесненная и не ухоженная терпеливой рукой земледельца.

Что же касается законнорожденных, то этих своих деток Кирилл Григорьевич хотел направить на путь истинный, обучить наукам, снабдить средствами к жизни и моралью, приличной их кругу, дочерей выдать замуж с хорошим приданым за людей солидных, семейственных, хорошего рода, не из свинопасов выбившихся, не гулящих, умеренных и благоразумных, не падких ни к пьянству, ни к телесным невоздержанностям. Да, сам он погулял, но в меру ему отпущенную, как молодой жеребец на сочном лугу. Да, порезвился, но не ломая ограды и не закусывая удила.

Елизавета считалась его любимицей. Красива и, казалось, не глупа... А так взбрыкнула, что не по годам состарившийся Разумовский и не знал, что делать. После смерти жены он сошелся со своей молодой племянницей, Софьей Осиповной Апраксиной. Между любовницей отца и дочерьми вспыхнула война, превратившая жизнь семьи в настоящий ад.

Самая старшая дочь Разумовского – Наталья, первый ребенок в семье, родилась горбатой. Но выросла не безобразной горбуньей, а на удивление привлекательной девицей. Своенравной, избалованной родителями, души в ней не чаявшими, и поражавшей не по женски глубоким и по женски сообразительным умом. Десятки претендентов добивались ее руки, чтобы породниться с Разумовским, почти отставленным от власти, но богатством владевшим огромным.

Наталья отказывала всем, и мужа выбрала себе сама. Неприметного поручика Загряжского, дальнего родственника Потемкина, сына того самого Загряжского, который опекал его в Москве, в годы робкого отрочества и туманной юности. В немолодом вдовце Загряжском невеста разглядела человека, с которым ей, богатой горбунье, можно прожить жизнь – и не ошиблась.

Любой другой избранник, войдя в разваливающееся семейство Разумовских, отягощенное огромным богатством и мучимое вечной нехваткой денег, поломал бы или жизнь своей избранницы, или свою. А Загряжские умудрились прожить свой век счастливо.

Что значит счастливо? А то и значит, что мирно, не терзая один другого, один другому уступая и потакая, это и счастье, коли иного, того самого, непонятного и неуловимого, не пришлось ни найти, ни поймать за павлиний хвост, выскальзывающий из рук и манящий яркими радужными цветами.

Наталья Кирилловна ценила и уважала мужа, а любила Потемкина. Не пылко и не страстно. Избыток женской потребности любить она, при своем уме, превратила в материнскую, сестринскую любовь. И не желая ему ни в жены, ни в любовницы горбунью, стала соучастницей в его помыслах, делах и планах.

Она-то и подсказала Потемкину верные ходы в той непростой игре, в которую он все-таки решился играть, так и не найдя сил от этой игры отказаться и запереть себя в монастырь или нарочно подставить лоб под турецкую пулю.

20. Мудрая горбунья

Влечение, род недуга.

А. С. Грибоедов.

Наталья Кирилловна Загряжская состояла фрейлиной при большом дворе. Выйдя замуж, она поселилась в Москве. Потемкин при малейшей возможности старался навестить к ней в гости. Загряжская была хорошо осведомлена обо всем, что делалось в столице. Она понимала, видела насквозь все, что происходило, и не только предугадывала, но даже, казалось, пророчествовала.

– Смотрю я на тебя, Гриц, – Загряжская называла Потемкина Грицем по-домашнему, по-родственному, – и думаю, а вот сбежала бы Лизавета с тобою, и не пошла бы у нас в доме беда. А женись ты на Лизавете – я бы на тебя каждый день смотрела. Мне ведь посмотреть на тебя, такого красавца, – в радость.

– Уж если жениться, то зачем же на Лизавете? Я бы, как твой Загряжский, тебя в жены взял, – отвечал Потемкин, вдруг понимая, что действительно, женись он на Наталье Разумовской, все его мучения закончились бы...

Не будь она горбата... По-другому могла бы сложиться его жизнь... Или это только кажется? Нет, не будь она горбата, мир, конечно же, был бы другим, и все устроилось бы по-другому... Разве нужны бы ему тогда первенство, слава?

– Куда на мне. Я себе вон Загряжского сыскала, он один такой на этом свете, чтобы меня терпеть с моим горбом да с моими капризами. Тебе не то что я, горбунья, тебе и Лизавета не пара. Тебе царицу подавай. Хочешь царицу – будет тебе царица... Вот отлетает свое Орлов, царица ваша пустится во все тяжкие...

– Когда же отлетает?

– Погоди, недолго ему болезному летать...

– Почему болезному?

– Жалко его... Хотя мне-то что его жалеть... Сгубил себя, беспутный... Панины его со света сживут, потому как он им дороги не уступит. И ты таков... Все первым хочешь быть. Да что делать, раз уродились вы оба таковыми... Я вон горбата... А ты с норовом... А Орлову недолго осталось, глаза у него уже безумные, царице он не хорош...

– Кто же ей хорош?

– А ей выбора нет. Кого Панины определяют, а им лишь бы не Орлов...

– Что же она, без выбора?

– А некуда ей деваться. Ее коли не Орловы, так Панины, не Панины, так Орловы... Не усидеть ей на троне по своей силе... Вот тебе, Гриц, и случай... Ты ведь высоко метишь. Только ты царице о своей любви больше не рассказывай, не то ей нужно...

– А что ж ей нужно?

– Женщина, Гриц, она под сильной рукой смирна. Как кобыла, когда ездук крепко сидит, да плетка в руках. Она и под Орловым смирно ходила, первое время, пока он сам узду из рук не выпустил. Да и сам удила не закусил, что бешеный жеребец...

– А замуж за него не пошла.

– Не пошла. Хитра, обманула Орлова.

– Как обманула? Панин не допустил?

– Панин ничего бы не сделал. Сама смекнула: станет Гришка хозяином, узду затянет, не взбрыкнешь. Научила Орловых сослаться на императрицу Елизавету и дядю моего – Алексея, а к нему подослала Перекусихину. Дядя и объявил, что никакого венчания у них с императрицей Елизаветой Петровной не было. А запись церковную – в камин у всех на глазах.

– Так это она сама устроила?

– А как же. Ей не впервой. Она это умеет... Она всех обошла. И Паниных, и Разумовских, и Румянцева, и сынка своего... И Орловых... Я тебя, Гриц, знаю, ты пока своего не добьешься, не успокоишься... Мне ли тебя отговаривать, учить уму-разуму... А ведь ты не Орлов – мне тебя куда больше жалче... Орлов шею себе свернет по неоглядности, ну да и Бог с ним... А ты душу надрывать будешь... Орлова вот-вот Панины съедят. Алехан далеко, за морем, Гришку придержать некому, а уж Панины его перехитрят... Им его только на время от двора услать... У них уже все приготовлено, и с царицей твоей слажено... Подобрали ей молодца – и ростом и лицом хорош, и смирный... Васильчиков, из Конногвардейского полка... Помнишь такого?

– Припоминаю...

– Твоих лет. Поручик. Ну да, как окажется в случае, чинами его не обидят...

– А что ж Орлов?

– Орлов ничего не знает. Вот только он надолго отъедет, так Васильчиков его место и займет, уже и Роджерсон по здоровью свидетельствовал, и Протасова к себе на три ночи брала, по всем статьям он подходит, теперь нужно Гришку из Петербурга спровадить... Что дивишься, Гриц? Царице твоей такие перемены не впервой... Васильчиков у нее по счету пятнадцатым будет...

21. Ловушка для фаворита

С склонностью к серьезным занятиям Орлов соединял неосмотрительность и беспечность. Однажды, желая перепрыгнуть через скамейку в саду, он упал и сильно ушиб себе ногу.

В. В. Андреев.

Как на время отослать Орлова из столицы придумал Никита Панин, его самого когда-то братья Шуваловы отправили посланником в Данию, подальше от спальни любвеобильной Елизаветы Петровны, куда он, обласканный приветливым взглядом стареющей императрицы, уже нацелился, но так и не удосужился попасть, всю жизнь потом проклиная коварство Шуваловых, а более всего сетуя на свою неосмотрительность и нерасторопность.

Окажись он тогда в фаворе, разве допустил бы он самовольства канцлера Бестужева-Рюмина, из-за своей корысти втянувшего Россию в войну с Пруссией? С Пруссией России нужен союз, а воевать ей положено вместе с северными державами как раз против Австрии и Турции, и Франции, поддерживавшей их по прихоти мадам Помпадур, тогда распоряжавшейся европейской политикой прямо из постели Людовика XV.

Нынешняя война с Турцией вполне подтверждает его, Панина, правоту и дальновидность.

Войска Румянцева после всех своих побед вышли к Дунаю, и уже на его правом берегу. Путь к Константинополю открыт. Императрица Екатерина в письмах к Вольтеру уже пишет о скором падении турецкой столицы. Но все опять идет не как предписано, и на этот раз из-за Орлова, вмешавшегося своим «константинопольским походом» и бесцеремонно перехватывающим то, что он, Панин, давно задумал и с таким трудом осуществлял!

Орловы в пьяном бесшабашном разгуле спутали его, Панина, карты во время переворота – провозгласили Екатерину императрицей вместо законного наследника и теперь, хозяйничая в ее постели, уже сами, вопреки всякому здравому смыслу и пристойности, карабкались на трон.

И наконец-то, выправленная Паниным, политика «северного союза» против юга приведет к тому, что Гришка Орлов, только и умеющий, что путаться под ногами, нацепит на себя корону – и обязательно набекрень, потому что правильно и аккуратно этот человек никогда ничего не умеет сделать. И если это произойдет, то о какой разумной, упорядоченной европейской политике можно тогда говорить!

При таких обстоятельствах войну с Турцией нужно заканчивать не взятием Стамбула-Константинополя, а разумным миром. Румянцев должен бы понять это. Панин давно хотел вовлечь Румянцева в масонскую ложу. Но тяжелый характер и мания величия полководца расстроили все попытки.

Князь Репнин, женатый на племяннице Панина, казалось, вошел в доверие к Румянцеву – тот назначил его командовать корпусом в Валахии. Но досадная неудача испортила их отношения. Не успел Репнин принять командование и осмотреться, как турки неожиданно взяли крепость Журжу. Причем даже не взяли – крепость без боя сдал им комендант, не решившийся сопротивляться превосходившему его числом противнику.

Как на грех за несколько дней до этого князь Репнин инспектировал крепость и не увидел никакой опасности. Горячий на расправу Румянцев отдал коменданта под суд. Досталось и князю Репнину. Он обиделся, сослался на старое ранение, подал рапорт с просьбой об отпуске для лечения и уехал за границу на воды.

Еще раньше в отставку ушел брат Никиты Панина, Петр. Боевой генерал времен Семилетней войны с Пруссией, герой битвы при Кунерсдорфе, он справедливо считал себя равным Румянцеву.

В эту турецкую войну войска под его командованием взяли неприступную крепость Бендеры. По мнению Панина, именно это стало самым важным событием всей военной кампании, оказавшим решительное влияние на ход военных действий против Османской Порты. И уж куда как более значимым, чем сожжение турецкого флота в Чесменской бухте, прославляемым из-за всех сил при дворе, хотя на положение стратегическое оно совершенно не повлияло.

Однако императрица Петра Панина в фельдмаршалы не произвела, как за такую победу следовало бы. Он получил орден Георгия I степени, но вторым, после Алексея Орлова, уступая, таким образом, старшинство выскочке, объявленному героем и удостоенному почетного прозвища Чесменского. Хотя все знают, что Чесменское сражение – дело двух английских адмиралов, Эльфинстона и Грейга, в морских делах опытных, в отличие от Орлова, не более как сухопутного пассажира, сопровождавшего сих славных мореходцев.

Конечно, брат Петр прав, не стерпев такого оскорбления и подав в отставку. Но все это не улучшило положение сподвижников Паниных, то есть сторонников законного наследника престола великого князя Павла Петровича.

Петр Панин поселился вдали от двора, в Москве, где всякий честный и преданный отечеству человек считал своим долгом выражать негодование поведением несправедливости в отношении воина, прославившего русское оружие на полях сражения не щадя живота своего.

Разговоры эти доходили до северной столицы. Императрица назвала Петра Панина за его правдивые слова своим «персональным оскорбителем» и «предерзким болтуном». И даже поручила главнокомандующему Москвы, глупейшему старику князю Волконскому учредить надзор над отставным генералом, что возвысило брата в глазах людей не льстивых и приверженных истине. Однако в воюющей армии все это заметно ослабило позиции Паниных.

И тем не менее Румянцев все-таки прислушался к мнению Паниных. Во-первых, как командующий, он не мог не видеть, что движение его войск на Стамбул-Константинополь не только на руку партии Орловых, но и открывает фланги армии при совершенно не обеспеченном тыле. А осторожный и опытный Румянцев хотя и отличался смелостью, но понапрасну рисковать не любил. Ему ли не помнить Прутский поход, когда сам царь Петр Великий опозорился по своей же неосмотрительности.

А кроме того приближается совершеннолетие законного наследника престола, великого Павла Петровича... Взойдя на престол в суматохе переворота Екатерина обещала уступить его сыну, когда тому исполнится семнадцать лет. А будущий император, как известно, не одобряет планов Орловых.

Учитывая все это, Румянцев приостановил движение войск, ссылаясь на отсутствие резервов. Турки, видя, чем им грозит продолжение войны, освободили из Семибашенного замка посаженного туда в начале войны русского посла и запросили мира. Резервы – и военные и финансовые заканчивались и у Турции. Екатерина согласилась бы на почетный и выгодный мир.

Продолжение войны, несмотря на громкие победы, могло привести к потере того, что уже достигнуто. Тем более что победы эти вызвали опасение и недовольство Австрии и Пруссии...

22. Когда нет сил более терпеть

*Ты, досада – не рассада,
Не раскинешь по грядам.
И кручина – не лучина,
Не сожжешь по вечерам.*

Русская народная песня.

Заключение мира не устраивало Орловых. Но России после почти четырехлетней войны требовалась передышка. Панин подвел императрицу к мысли послать для переговоров с турками Орлова. Не имевшему никакого дипломатического опыта и не желавшему прекращения войны Григорию Орлову императрица поручила привести в Петербург желанный и необходимый мир.

Панин не сомневался, что эта миссия окажется не по плечу надменному и вспыльчивому фавориту. Но самое главное, отправившись к южным границам, он на несколько месяцев покинет столицу и, само собой разумеется, спальню Екатерины... А она не любит, чтобы ее постель пустовала по ночам...

Орлов действительно завел переговоры в тупик. А обстановка неожиданно осложнилась. В Швеции молодой король Густав III произвел государственный переворот. Он стал абсолютным монархом, и теперь мог оказывать сильное давление на риксдаг – шведский парламент. Это означало серьезную угрозу для России, которая, подкупая часть членов шведского парламента, давно уже удерживала Швецию от войны за возвращение территорий, потерянных шведами при короле Карле XII после его поражения от царя Петра I.

В глубине России вдруг объявился убитый после государственного переворота Екатерины II ее муж и император Петр III. Спасшимся от смерти императором назвался беглый казак Емельян Пугачев. Он выступал под гольштинским знаменем Петра III, поговаривали, что это знамя ему передал сам законный наследник престола великий князь Павел Петрович, томящийся в неволе у врагов отечества – императрицы Екатерины II, преступно изменившей своему супругу, и ее приспешников Орловых, злодеев, покусившихся на жизнь законного государя, счастливо избежавшего их коварства и теперь освободившего своих верных подданных от присяги незаконной похитительнице престола.

Екатерине грозила война на три фронта. Она прислала к Орлову курьера с предписанием идти на допустимые уступки и как можно быстрее заключить с турками мир. Но до Орлова дошли известия, что у императрицы появился новый фаворит, молодой и красивый конногвардеец, поручик Васильчиков. Он занял во дворце комнаты Орлова. Это означало полное поражение партии Орловых и торжество партии Паниных.

Орлов бросил переговоры и в легкой коляске, оставив свою огромную свиту, помчался в Петербург. Он не мог поверить, что Екатерина устоит перед ним, когда он ворвется в Зимний дворец и вышвырнет соперника из своих апартаментов, место в которых он, Орлов, заслужил, поставив свою жизнь на карту во время государственного переворота, рискуя пролить свою кровь и, пролив кровь убиенного монарха, принимая на себя этот грех перед людьми, но не перед небесами, на небесах им с Екатериной отвечать вместе, там доподлинно известно, кто убил, а кто хотел убить, кто, не произнеся ни слова, потребовал, приказал убить, и кто, поняв требование, выполнил приказание, и кому какая мера за им содеянное назначена....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.